

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“.

Цѣна 10 к., на станц. ж. д. — 12 к.

№ 2

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

Политическая трясина.

Статья проф. В. Д. Плетнева.

Интересъ всѣхъ событій попрежнему лежитъ въ томъ заколдованномъ кругу, который охватывается войною.

Время отъ времени, какъ всплески иной жизни, долетаютъ до насъ извѣстия изъ потусторонняго міра „протестацій“, наводимыхъ справокъ и разслѣдованій о прегрѣшеніяхъ однихъ и непорочности другихъ. Однако события снова набрасываются, какъ волны моря, и покрываютъ своими свѣжими водами болотистыя берега маленькихъ интригъ, партійнаго кудесничества и дипломатической гомеопатіи. А загѣмъ, новый отливъ фактовъ войны, снова болото и міазмы, взрослые лягушки и подростующіе головастики.

Интересъ событій попрежнему конечно вертится вокругъ поведенія „нейтральныхъ“ болотъ, изо дня въ день приносящихъ намъ непосредственно и чрезъ посредство своихъ друзей дары новыхъ откровеній.

Положеніе на театрѣ войны теперь тысячами силъ давить на игру нашихъ дипломатическихъ фармацевтовъ, официальныхъ и уполномоченныхъ, волей-неволей обязанныхъ отражать запросы статей и задачи тактики на своихъ дидактическихъ упражненіяхъ.

На этой недѣлѣ въ печать стали проникать свѣдѣнія о давленіяхъ, производимыхъ якобы нашей дипломатіей на „неуступчивыхъ“ сербовъ въ пользу „страготерпцевъ“ болгаръ.

Нужно ли говорить, что эти извѣстия совпадали съ крайнимъ напряженіемъ, вызываемымъ германо-австрійскими войсками по всему русскому фронту, съ отчаянными попытками австрійцевъ обойти наши галиційскія войска и отрѣзать ихъ отъ базы. Въ эти великіе страдальческие дни земля русская дымилась отъ пролитой крови, а дипломатическія болота, официальные и частныя, испаряли туманы „требованій“.

Наши друзья и союзники—сербы и черногорцы—честно выполняли свои трудныя обязанности и стремились притянуть къ себѣ возможно большія количества австрійскихъ войскъ. Предпринявъ стратегическое наступленіе, они приковали къ себѣ одни—пятерное, другіе—утроенное количество вражескихъ силъ; и кто знаетъ, сколько тысячъ нашихъ бойцовъ и сколько вѣроятностей нашего успѣха спасено героическими усиліями маленькихъ славянскихъ народовъ, борющихся съ нами за общее святое дѣло.

Вотъ тутъ-то потерпѣвшіе отъ собственного разбоя болгары и подняли голову.

Для нихъ было вполне ясно, какъ впрочемъ и для всякаго, что каждый сербскій солдатъ, прикованный къ болгарской границѣ, даетъ по крайней мѣрѣ трехъ австрійцевъ, направленныхъ на границу русскую.

На поляхъ русской Польши рѣшалась участь всего перваго и главнѣйшаго періода войны, вбивались прочныя вѣхи для движенія въ даль только намѣтившагося будущаго. Вотъ почему въ это время особенно участились набѣги болгарскихъ четниковъ на сербскія границы, поднялась волна выступленій курдовъ, стрѣляющихъ германскими разрывными пулями по русскимъ войскамъ, закипѣла дѣятельность русскихъ повѣренныхъ болгарскимъ тяжбѣ. На на-

шихъ глазахъ подготовлялось крушеніе будущей славянской федераціи, въ которой обезпеченная Сербія должна была, по мысли попустителей и подстрекателей готовящагося преступленія, стать служанкой болгаръ и ихъ добрыхъ союзниковъ-турокъ.

По счастью именно теперь официальные представители Сербіи и Греціи, съ ней союзной, разсѣяли туманъ, поднявшійся особенно густо съ политическаго болота. И посолъ сербскій въ Петроградѣ, и его греческій коллега съ полной рѣшимостью указали болгарскимъ политическимъ четакамъ въ Петроградѣ ихъ настоящее мѣсто. Никакихъ наградъ за свои преступленія Болгарія отъ Сербіи не получитъ. Пусть попытается вырвать ихъ силой. И хотя этотъ путь и особенно сочувственно встрѣчался болгарскими ходатаями по дѣламъ въ Петроградѣ, явно, что безъ Турціи бѣдная золушка-Болгарія на войну открытую не пойдетъ. Сербскій посланникъ указалъ единственный путь, за которымъ Болгарія можетъ увидѣть осуществленіе *части* своихъ македонскихъ вождедній. Это—немедленная посылка на южный театръ войны по крайней мѣрѣ 200-тысячной арміи для наступленія на австрійцевъ съ сербскими войсками. Конечно всѣмъ ясны открывающіяся здѣсь перспективы. Этотъ шагъ сразу обезсилитъ Турцію, которой придется бояться и сторожить свой Адрианополь и Галлиполи.

Въ Румыніи открытый переходъ Болгаріи на сторону Россіи развяжетъ руки всѣмъ друзьямъ объединенія трансильванскихъ румынъ путемъ вооруженной борьбы съ Австріей. Сербская армія очиститъ свои юго-восточныя границы отъ войскъ и, усилившись на 200 тысячъ человекъ, сразу вынудитъ австрійцевъ снять съ русскаго фронта все свои венгерскія войска.

Освобожденная отъ угрозы изъ-за Карпатъ, наша галиційская армія выдѣлитъ крупныя силы на Познанскій фронтъ, для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ германцамъ.

Все это очень ясно, но именно потому въ политическомъ болотѣ гады всѣхъ родовъ шевелятся съ особой силой,—выдвигаются требованія о предварительной передачѣ болгарамъ всей сербской Македоніи и отнятіи отъ румынъ „болгарской“ Добруджи.

При очевидной невозможности ни для сербовъ, ни для румынъ пойти на эти „уступки справедливости“, сербы фатально обречены только стягивать къ себѣ сравнительно ничтожную часть австрійскихъ силъ, румыны могутъ вести „выжидательную“ политикку, турки—стрѣлять разрывными германскими пулями по русскимъ войскамъ, а мы—держаться на нашихъ кавказскихъ границахъ значительныя русскія силы, не бывшія въ бою.

Счастливые германцы! Если болота нашей пограничной полосы имъ и мѣшаютъ, зато нынѣ—политическія—болота работаютъ имъ на пользу.

Боже мой! скорѣй бы приходили гласность и свобода, чтобы можно было подсчитать жертвы русскаго народа, погибшія въ тинѣ нашихъ политическихъ болотъ.

— 0860 —

Наша обложка.

Молодая женщина, простирая руки къ ребенку, котораго отнял у нея римскій воинъ, кричитъ. Воинъ убьетъ сейчасъ ея ребенка. Она кричитъ. Это — *голая жизнь*.

Рядомъ съ нею другая женщина еще держитъ своего ребенка, но надъ нимъ уже занесена рука убійцы.

Таковъ рисунокъ на обложкѣ нашего журнала.

Онъ представляетъ собою фрагментъ огромной инкрустаціи Матео ди Джованни на полу Сіенскаго собора, изображающей избиеніе младенцевъ по приказанію Ирода, царя Іудейскаго.

Въ эти тяжелые дни, когда Иродъ нашего вѣка—Вильгельмъ—избиваетъ населеніе беззащитныхъ странъ, вполне своевременно вспомнить трагическаго художника, такъ глубоко передавшаго движеніе ужаса, намъ всѣмъ теперь знакомаго.

Воспроизведеніе этой инкрустаціи появляется въ русскомъ изданіи впервые. Оно исполнено по рисунку Сергѣя Городецкаго, сдѣланному въ Сіеннѣ въ натуральную величину (въ 16 разъ больше нашего рисунка).

ПѢСНИ ЧЕРВОННОЙ РУСИ.

Стихотворенія **Сергѣя Городецкаго.**

Червонная Русь.

Тамъ, гдѣ взгорбились дремучія Карпаты,
На скалу влѣзаетъ левъ. буй-звѣрь косматый.
«На горбы Карпатъ,—онъ думаетъ,—взберусь!..
Тамъ Червонная, Пурпуровая Русь.
Горы съ бѣлыми хребтами, чудо горы,
Тамъ сверкаютъ, громоздятся Медоборы.
Струи Стрыя, струи Стрынцъ и Быстрицъ
Въ доли съ горъ бѣгутъ быстрое молодичъ.
Села славныя въ садахъ лежатъ цвѣтущихъ,
Птицы вешнія поютъ въ зеленыхъ кущахъ.
Тамъ народъ одѣтъ въ неконныя одежды,
Тамъ въ сердцахъ живутъ старинныя надежды.
Медъ ломаютъ тамъ свѣтлые янтаря,
Тамъ съ Россіи подымается заря.
Тамъ земля дымится алой русской кровью,
Тамъ приникла Русь къ родному изголовью.
Тамъ царилъ неукротимый князь Романъ,
Тамъ престолы царства ставнаго славянъ!

Романъ.

Храбръ и славенъ былъ Романъ,
Князь оратаевъ-славянъ.
Былъ онъ ростомъ невеликъ,
Но имѣлъ сверкучій ликъ.
Дико-черные глаза
Загорались, какъ гроза.
И, впадая въ ратный гнѣвъ,
Онъ стремился въ бой, какъ левъ.
Колнъ вороги дрались,

Онъ серчалъ, какъ злая рысь.
И враговъ своихъ губилъ,
Словно лютый крокодилъ.
Колнъ враговъ былъ понуръ,
Онъ бѣжалъ за нимъ, какъ туръ,
И въ средину вражскихъ селъ
Залеталъ онъ какъ орелъ.
Храбръ и славенъ былъ Романъ,
Князь оратаевъ-славянъ.

Воротарь.

— Воротарь ты, воротарь!
Отвори намъ ворота!—
Такъ играли пѣсню встарь,
Да играли неспроста.
Воротарь даетъ отвѣтъ.
— Что за люди! Что за крикъ!
— Пустишь въ городъ или нѣтъ?
— Нѣтъ!—упрямится старикъ.—
Я не видѣлъ, отродясь
Не видалъ такихъ людей!
— Князь Романъ и нашъ вѣдь князь,
Отвори намъ поскорѣй!
Воротарь кричитъ въ отвѣтъ:
— Князь Романа дома нѣтъ!
Князь уѣхалъ со двора
Еще съ вечера вчера!
— А куда уѣхалъ князь?
— Въ Львовъ уѣхалъ на базаръ.
— А когда вернется князь?
— Не спѣшитъ онъ, не пожаръ.
— Отвори! Мы подождемъ.
— Что дасте? Отворю.
— Мы дитя тебѣ даемъ,
Мало дитятко—зарю.
— Въ чемъ же дитятко у васъ?
— А дитя у насъ въ парчѣ,
Серебро и канифасъ
У дитяти на плечѣ.
Нашъ ребенокъ не простой!
Онъ сидитъ—открой скорѣй!—
На подушкѣ золотой.
Мы—изъ княжескихъ людей!
Тутъ наотмашь ворота
Отворяетъ воротарь.
Воротарь сомкнулъ уста.
Тутъ конецъ игрѣ, какъ встарь.

Попъ-Иванъ и Попадья.

— Что ты весель, Попъ-Иванъ,
Что ты нынче такъ румянь?—
Такъ спросила Попадья.
— Вижу я: изъ дальнихъ странъ
Подымаются друзья.
— Будемъ, значитъ, пировать,
Въ тучи молоньи идать?
— Пиръ пошелъ на цѣлый миръ:
Воронья дурная рать
Начала кровавый пиръ.
— Чья-жъ побѣда? Чей ко-
нень?
Отвѣчай скорѣй, отецъ!
— Воронью конецъ при-
шлетъ,

Воронья ведетъ мертвецъ,
Отъ безсилія онъ золь.
— А побѣда чья, Иванъ?
Мнѣ не видно сквозь туманъ,
— А побѣда у друзей,
Вижу ихъ могучій станъ,
Вижу царственныхъ вождей!
— Что тамъ свѣтитъ вдлѣкѣ,
Въ облакахъ и на пескѣ?
— Это свѣтъ изъ русскихъ мѣстъ,
Войско бьется на рѣкѣ,
А надъ войскомъ—бѣлый крестъ.
— Слава Богу, Попъ-Иванъ!
Будетъ ворогу изъянъ!
— Слава Богу, Попадья!
Оттого-то я румянь,
Оттого-то весель я!

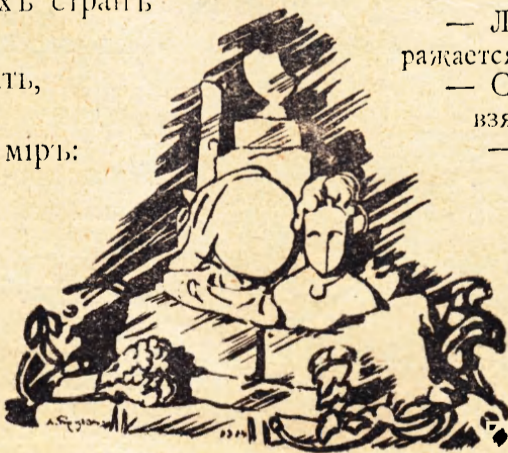
Карпаты.

Мы—славянскіе престолы,
Рѣки мчатся съ насъ въ моря,
На пурпуровые доли
Водопадъ летитъ тяжелый,
Бѣлымъ серебромъ горя.
Мы возносимся подъ небо,
Въ вихри радужныхъ лучей;
Солнцу здѣсь свершали требы,
Ночевали здѣсь дулѣбы
Семь вѣковъ, какъ семь ночей.
Здѣсь святое, вѣковое
Всеславянское гнѣздо.
Мы стоимъ въ сѣдомъ покоѣ
Подъ великою судьбою,
Какъ подъ утренней звѣздой.

Сдѣлано въ Карпатѣхъ.

Примѣчанія къ „Пѣснямъ Червонной Руси“.

— Левъ, влѣзающій на скалу, изображается на галицкомъ гербѣ.
— Сравненія князя Романа со звѣрями взяты изъ лѣтописи.
— Весь ходъ игры «Воротарь» — подлинный, какъ въ пѣснѣ. Игра отражаетъ вокняженіе четырехлѣтняго Данила, сына Романа.
— Попъ-Иванъ и Попадья — горы въ Прикарпатѣхъ.
— Дулѣбы — праславянское племя, жили семь вѣковъ на Карпатахъ. (См. у Ключевскаго.)

Санктъ-Петербургъ—Петроградъ.

Набросокъ Леонида Галича.

«Самый фантастическій городъ»,—сказалъ про Петербургъ Достоевскій. «Самый фантастическій человекъ»—хочется сказать про того, кто создалъ этотъ каменный сонъ, такой реальный и такой сказочный.

Богатырь его построилъ,
Топь костями забутилъ—

поется въ петербургской былинѣ. Какъ ни странно, а имѣются и такія. Въ сборникахъ народныхъ сказаний вы прочтете про Васильевскій Островъ:

На Васильевскомъ славномъ островѣ
Молодой матросъ корабли снастилъ.

А рядомъ, въ томъ же сказочномъ складѣ:

У тоя-ль у рѣчки у Смородинки,
У того-ль креста у Леванидова.

Все у васъ сливается въ головѣ. Вы не знаете, гдѣ былъ и гдѣ сказка. Вы не знаете, гдѣ явь и гдѣ сонъ. Можетъ быть, Смородинка—въ Петербургѣ и вы еще вчера ее видѣли, когда спускались по Невѣ въ Стрѣлкѣ въ пароходикѣ финляндскаго общества. Такая быстрая, веселенькая рѣчушка гдѣ-то у Елагина Острова, вся по берегу заросшая ивнякомъ. Помнится, и крестъ тамъ видѣлся, тусклый, на осѣвшей часовенкѣ. Вы долго и съ волненіемъ всматривались, какъ во что-то очень близко-знакомое, милое, до слезъ трогательное, пока шкиперъ не смандовалъ «сатни котъ» и этимъ не развѣялъ видѣнія.

...А быть можетъ, это все—сонъ: и городъ, на болотѣ заложенный, и Нева, и пароходы на ней, и «Славный островъ», гдѣ снастиять корабли. Быть можетъ, живото только ихъ имя, мечта о нихъ, народомъ полюбленная и звучащая въ старинныхъ былинахъ:

На Васильевскомъ славномъ островѣ
Молодой матросъ корабли снастилъ...

Несмотря на простоту и реальность, тутъ яв-

ственно звучитъ мифъ, и какъ-то даже стыдно подумать, что мы можемъ побывать въ этомъ мифѣ, вспрыгнувъ на трамвай номеръ пятый.

«Самый фантастическій городъ». Я не знаю похвалы выше, особенно въ устахъ Достоевскаго, самаго (при всемъ его реализмѣ) фантастичнаго изъ нашихъ писателей. Что значать всѣ нападки славянофиловъ, всѣ крики о чухонскомъ болотѣ, о пошлости, мѣщанствѣ, безличности въ сравненіи съ подобнымъ признаніемъ! «Чухонскій городъ, инородческій городъ, пошлый, сѣрый, межеумочный городъ, оторванный отъ старины городъ, окончательно не русскій и ненародный». Однако же воспѣтый въ былинахъ, увѣнчанный стихомъ Пушкина, пламенно прославленный Достоевскимъ. Значитъ, не совсѣмъ уже пошлый? Значитъ, не совсѣмъ уже ненародный?

Поразительно, что именно Петербургъ, а не Кіевъ, не Москва и не Муромъ казался Достоевскому фантастическимъ. Да и Пушкину онъ рисовался такимъ же и, можетъ быть, во всемъ его творчествѣ нѣтъ образа, картины, видѣнія, болѣе насыщенныхъ мистицизмомъ, чѣмъ скачка Всадника по влицамъ Петербурга:

Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело мѣдное скаканье
По потрясенной мостовой.

У Кіева, Москвы, Мурома есть остатки фантастической старины (ужъ будто бы такой фантастической?): сорокъ сороковъ храмовъ, развалины кремлей, мощи. Что ни шагъ, то слѣдъ сѣдой древности. Здѣсь когда-то пировали бояре; тамъ курганъ, гдѣ погребень витязь. Каждый камень говоритъ зрителю:

— Я помню и татарщину, и удѣлы, и Грознаго, и Смуту, и Минина. Я расскажу вамъ лучше всякихъ учебниковъ, откуда пошла и бысть русская земля.

У Петербурга ничего этого нѣтъ. Ни кремля, ни сорока сороковъ, ни развалинъ, ни кургановъ, ни прошлаго. Никакихъ вообще дѣдовскихъ голосовъ, никакихъ воспоминаній о ростѣ. Зато у Петербурга есть Петръ.

И знаете, что начинается казаться? Что именно въ отсутствіи старины—вся тайна фантастичности Петербурга. Этотъ городъ на чухонскомъ болотѣ—чудесный, колдовской городъ. Онъ не отлагался частицами, медленнымъ природнымъ процессомъ, какъ растутъ и развиваются города, подобно всѣмъ естественнымъ организмамъ. Онъ возникъ изъ пустоты, изъ тумана, онъ вознесся надъ болотомъ, какъ сказка. И самое, быть можетъ, пугающее, что эта сказка, эта греза—изъ камня, что она «неколебима», какъ камень.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія...

Напрасно Достоевскій загадываетъ: «А что какъ разлетится этотъ туманъ и уйдетъ кверху—не уйдеть ли съ нимъ вмѣстѣ и весь этотъ сырой, склизлый городъ, подымется съ туманомъ и исчезнетъ, какъ дымъ, и останется прежнее финское болото, а посреди него, пожалуй для красоты,—бронзовый всадникъ на жарко дышащемъ, загнанномъ конѣ. Ктонибудь вдругъ преснется, кому все это грезится, и все вдругъ исчезнетъ».

Нѣтъ. Хотя и тонущая въ туманѣ, хотя и фантастическая безпредѣльно (отсюда и сомнѣнія Достоевскаго),—каменная греза прочна: она не разлетится, какъ дымъ. Ибо это—греза гиганта, греза величайшаго чудотворца, которому достаточно пожелать, достаточно сказать одно слово—и въ пустотѣ отвердѣваютъ міры.

Богатырь его построилъ,
Топь костями забутилъ.

Мы бѣгаемъ по улицамъ Петербурга, носимся по Невскому на извозчикахъ, летимъ въ трамваяхъ на Васильевскій Островъ—тотъ самый, что прославленъ былинной,—и не знаемъ, что живемъ въ сказкѣ; что этотъ городъ не простой, не естественный, что онъ не выросъ, какъ растутъ поселенія, медленнымъ природнымъ развитіемъ, а пригрезился однажды Петру и такъ и затвердѣлъ, какъ пригрезился. Уплотнился, опустился на землю, сталъ сформленнымъ, вещественнымъ, каменнымъ.

Городъ, порожденный мечтою. Это кажется—единственный случай, недаромъ столь плѣнительный для поэтовъ. Помните, какъ рассказаль его Пушкинъ:

Мобилизація въ Турціи

... и думалъ Онъ:
Отсель грозить мы будемъ шведу.
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду.

И отъ «думы» совершается чудо:

Въ гранитъ одѣлася Нева,
Великолѣпными садами
Ея покрылись острова

Образъ всадника на мѣдномъ конѣ недаромъ такъ преслѣдовалъ Пушкина. Не только въ русской, далеко не богатой, но даже во всемірной исторіи это—«самый фантастическій» образъ. Недаромъ онъ увѣнчанъ легендами и вмѣстѣ съ безпредѣльной любовью вызываетъ и безмѣрную ненависть. Недаромъ также онъ считался антихристомъ, т. е. существомъ надприроднымъ, несравненно-интереснѣйшимъ для религіи, чѣмъ рядъ благочестивцевъ московскихъ, усердно возводившихъ подворья. И Пушкину онъ представлялся такимъ, окутаннымъ мистической тучей, сверкающимъ, какъ Божья гроза.

Если мистика—въ мечтательной тихости, въ благолѣпіи, въ покорности старинѣ, въ подворьяхъ, въ золотыхъ маковкахъ, въ ликахъ византійскихъ святыхъ, то откуда же мистичность Петра, этого буяна на тронѣ, который зашумалъ царедворцевъ, топалъ и кричалъ на епископовъ, такъ что по свидѣтельству очевидцевъ, у святителей дрожали поджилки, стригъ бороды, таскалъ «за волосы»? Если мистика въ безплотныхъ экстазахъ, въ нѣжныхъ умиленныхъ созерцаніяхъ, въ поискахъ уединенныхъ путей, то гдѣ же эти свойства въ Петрѣ, грубомъ, жесткомъ, дѣловомъ гени, вѣчно поглощенномъ «хозяйствомъ»: то какимъ нибудь сукномъ для шинелей, то бревнами для петербургскихъ построекъ, то канатами и парусами для кораблей? Быть можетъ, никогда не было жизни, болѣе на первый взглядъ прозаической, болѣе мѣщанской и будничной. Ни дать, ни взять заводскій конторщикъ. И тутъ снова аналогія съ Петербургомъ, тоже «прозаичнѣйшимъ городомъ», удивительно мѣщанскимъ и будничнымъ въ сравненіи хотя бы съ Москвою, такой старинной, благолѣпной, задумчивой, съ шепотомъ кремлей и развалинъ.

Но конторщикъ вырастаетъ въ гиганта: сѣрый городъ—въ воплощенную сказку. Оба побѣдили природу, оба побѣдили исторію. У обоихъ словно нѣтъ прошлаго; они не рождены, а возникли. Возникъ Гигантъ съ великою своей думой,—не просто созерцающей и мечтательной, а жаждущей одѣться матеріей. Возникъ изъ пустоты городъ.

Личность одолѣла безличное: стихію, старину, прошлое, ходъ исторіи, преемственность жизни. Можете назвать, какъ угодно. И одолѣла не въ мечтахъ только, а дѣйствительно въ живомъ подвигѣ. Правда, ей пришлось повозиться: не только хлопотать по хозяйству, какъ хлопочетъ самый жалкій приказчикъ, торгующій сукномъ и канатами; не только экономить въ копейкахъ, чтобы выгадать на нужные траты; не только сочинять наставленія какъ слѣдуетъ солить овощи, чтобы лучше сохранялись въ походахъ; вдобавокъ приходилось быть грубой, часто даже—грубой до варварства.

Но въ этой мелкой, прозаической суетнѣ съ отбѣнками жестокаго и комичнаго сквозить для насъ живой огонь мистики, грезу претворяющей въ камень.

Въ нынѣшнюю совершенно не «тихую», совершенно не мечтательную годину самый фантастическій городъ конечно окажется достойнымъ своего создателя.

Алексѣй Ремизовъ.

ЗЕМНЫЯ ТАЙНОСТИ.

Народныя сказки.

1.

Голь-камень.

Шли двѣ богомолки къ святымъ мѣстамъ помолиться, пристала къ нимъ третья, — баба какъ баба, а голосъ мужичій, все словно съ дубу рветъ, и ни разу въ дорогѣ не перекрестилась.

Шли, шли, стали къ монастырю подходить, а эта самая ихъ товарка, Богъ ее знаетъ, отстала. Оглянулись богомолки, что больно долго, а та себѣ въ землю грязнетъ: что ни ступить, то дальше уходитъ, и ушла по поясъ.

Богомолки со страха пятиться, пятились, пятились, да задомъ и побѣжали, добѣжали до монастыря, схватили монаха, да съ монахомъ назадъ.

— Кайся, окаянная, что ты сдѣлала!

А та себѣ грязнетъ, едва языкомъ воронитъ.

— ... и мѣсяцъ не разъ скрадывала, я людей портила!—и больше языкъ ужъ не повернулся.

— Будь ты отнынѣ и до вѣку анафема проклята!—какъ крикнуть, она и пошла сквозь землю, да съ гуломъ, да съ шумомъ.

И на этомъ самомъ мѣстѣ голь-камень оказался, проклятое мѣсто.

2.

Пчелякъ.

У пчеляка пчель было пропасть, тысячи пеньковъ стояло, а лошадь не водилась. А у лошевода, его сосѣда, лошадей сколько хочешь—отличные кони, а пчель и въ заводѣ нѣтъ.

Разъ сосѣдъ съ сосѣдомъ и разговорились:

— Скажи пожалуйста, почему у тебя лошадямъ водъ, а у меня нѣтъ?

А тотъ ему:

— Скажи ты, почему

Маленькіе герои-добровольцы: Власекъ (вверху) и Марновскій (внизу).

у тебя пчелы, а у меня нѣтъ, тогда и я скажу.

Разговоръ-то зашелъ мирно, да оба съ норовомъ—не уступаютъ. Перекорялись, перекорялись, пчелякъ первый сдался:

— Изволь, я скажу.

И повель сосѣда на пчельникъ, привелъ въ избенку, положилъ меду полную тарелку, да въ подпечекъ и сунулъ.

И выскаканула оттуда лягушка и ну медъ ѣсть, и все съѣла, всю тарелку дочиста, обли-

зала, да опять назадъ все въ подпечекъ и отрыгнула. И стало лягушку раздувать, больше да больше, и стала лягушка съ быка.

— Полѣзай ей въ ротъ!

— Нѣтъ, не полѣзу!—испугался лошеводъ.

— Полѣзай, а то пропадешь!

— Не полѣзу!

— Не полѣзешь?—пчелякъ за ножъ, лошевода колотъ.

— Стой!—кричитъ лошеводъ,—теперь я скажу тебѣ, отчего у меня лошадямъ водъ.

Да скорѣе съ пчельника и повель пчеляка къ своему гумну.

— Отчего же у тебя лошадямъ водъ?—пчелякъ спрашиваетъ.

— А оттого, что лошадюшекъ моихъ кормлю: по десять фунтовъ муки замѣшиваю да полмѣры овса даю.

— Этакъ-то я и безъ тебя знаю, еще бы лошади не водились, если ихъ кормить!

— А ты какъ же думалъ, что не кормя можно?

Ну, на это сказать нечего, и ушелъ пчелякъ къ себѣ на пчельникъ.

А. Ремизовъ

ДВѢ КАЗНИ СМЕРТНЫЯ.

Разсказъ Н. Зворыкина.

Въ избѣ, обитой тесомъ еще покойнымъ мужемъ Соломониды Яковлевой, жила она сама да сороколѣтній сынъ ея, Павелъ Дмитріевъ. Соломонидѣ къ семидесяти годамъ подходило; лицо ея изрублено было мелкими морщинами, но глаза и движенія были совсѣмъ бойкіе. Въ сумеркахъ, когда не разглядѣть въ точности лица, а Соломонида по дому убиралась, ее по быстротѣ поступи и энергіи смѣло можно было принять за жену Павлову; тоже, когда она на погостъ шла, поглядишь ей вслѣдъ и подумаешь: это идетъ молодуха.

Павелъ былъ женатъ, да разводъ получилъ, а это рѣдко случается въ крестьянскомъ быту. Разводъ дали погому, что мужъ вину въ женѣ доказалъ: пошелъ вечеромъ съ огнемъ скотъ на дворѣ осмотрѣть и засталъ въ загородкѣ телячьей жену и парня своей же деревни; не сразу онъ замѣтилъ ихъ, — полшубки цвѣтомъ точь-въ-точь со стѣнами сливались, и онъ по тѣни ихъ увидалъ и огонь изъ рукъ выронилъ, чуть пожара не сдѣлалъ; похолодѣлъ онъ весь отъ неожиданной встрѣчи на своемъ дворѣ чего-то необычайнаго, страшнаго и чуждаго. Съ тѣхъ поръ онъ жены своей не видалъ: она убѣжала кряду со двора и больше не показывалась. Позапечалился Павелъ съ того времени. Пусто въ избѣ было; раньше бывало и бѣлье постирано, и хлѣбъ испеченъ, и печка истоплена, а теперь все несправки да несправки. Прежде толкъ въ работѣ видѣлъ, богатѣлъ и ради этого работалось, а какъ жены лишился, какъ будто изъ-за пропитанія только работать приходилось, и это казалось безцѣльнымъ, потому что и безъ особой работы прежними запасами времечко можно было прокормиться.

И началъ онъ призадумываться, не бросить ли ему трудиться съ утра до ночи. Сядетъ, сидитъ, ни слова не говорить, самъ высокій, рыжеватый, лобъ покатный, глаза каріе, острые, носъ прямой. Сидитъ на лавкѣ выпрямившись, какъ на лошади ѣздокъ, руками за лавку держится, и не разобрать по лицу, какія у него думы, грустныя или веселыя. Съ матерью ни слова не говорилъ о томъ, что у него на душѣ было; мать ему надоѣла своими выговорами, зачѣмъ онъ съ женою не сойдется. Прожужжить ему старуха всѣ уши, надоѣстъ ему, — и онъ къ сосѣдкѣ уйдетъ. Сосѣдка вдовою была, водку придерживала и съ дочкою взрослою жила, которую замужъ никто не бралъ, потому что у нея ребенокъ былъ прижить. Сначала Павелъ ходилъ къ нимъ, чтобы отъ матки уйти; придетъ, посидитъ, поговоритъ маленько и уйдетъ; потомъ привычка сдѣлалась; какъ дома скучно покажется — такъ къ нимъ. Вдова видитъ — онъ невеселый, неразговорчивый, и угостила его скуку водкою разгонять. Какъ попробовалъ Павелъ этимъ скуку лечить, такъ и потянуло его къ вину, будто оно безъ словъ, которыя такъ ему надоѣли, умѣло душу его обласкать. Сталъ Павелъ вино у вдовы потреблять и съ дочкою ея Дунею сошелся. И ему это пріятно было, такъ какъ его обѣ женщины какъ гостя встрѣчали, и уютно казалось ему въ ихъ домѣ, — онъ въ немъ нашель то, чего искалъ, да не нашель въ своемъ.

Работу онъ совсѣмъ не бросалъ, но о домѣ уже не радѣлъ и жилъ на нажитое раньше. Никто у вдовы Павлу не перечить, ничто его не заботить и о хозяйствѣ не напоминаетъ. Дома по вечерамъ немоготу сидѣть, а ходить больше некуда. Онъ и раньше до гостей небольшой охотникъ былъ, а теперь и подавно къ мужикамъ ходить трудно: всѣ подсмѣиваются, что Дуньку вдовину онъ любитъ. Да и къ водкѣ привыкъ теперь. Если же къ мужикамъ идти, то и ихъ угощай, а то пуще засмѣютъ.

Мало-по-малу таютъ павловы денежки. Цѣлую телку прогулялъ и рѣшилъ, что больше изъ имущества ничего пропить не будетъ — а только на доходы; коли же денегъ не слу-

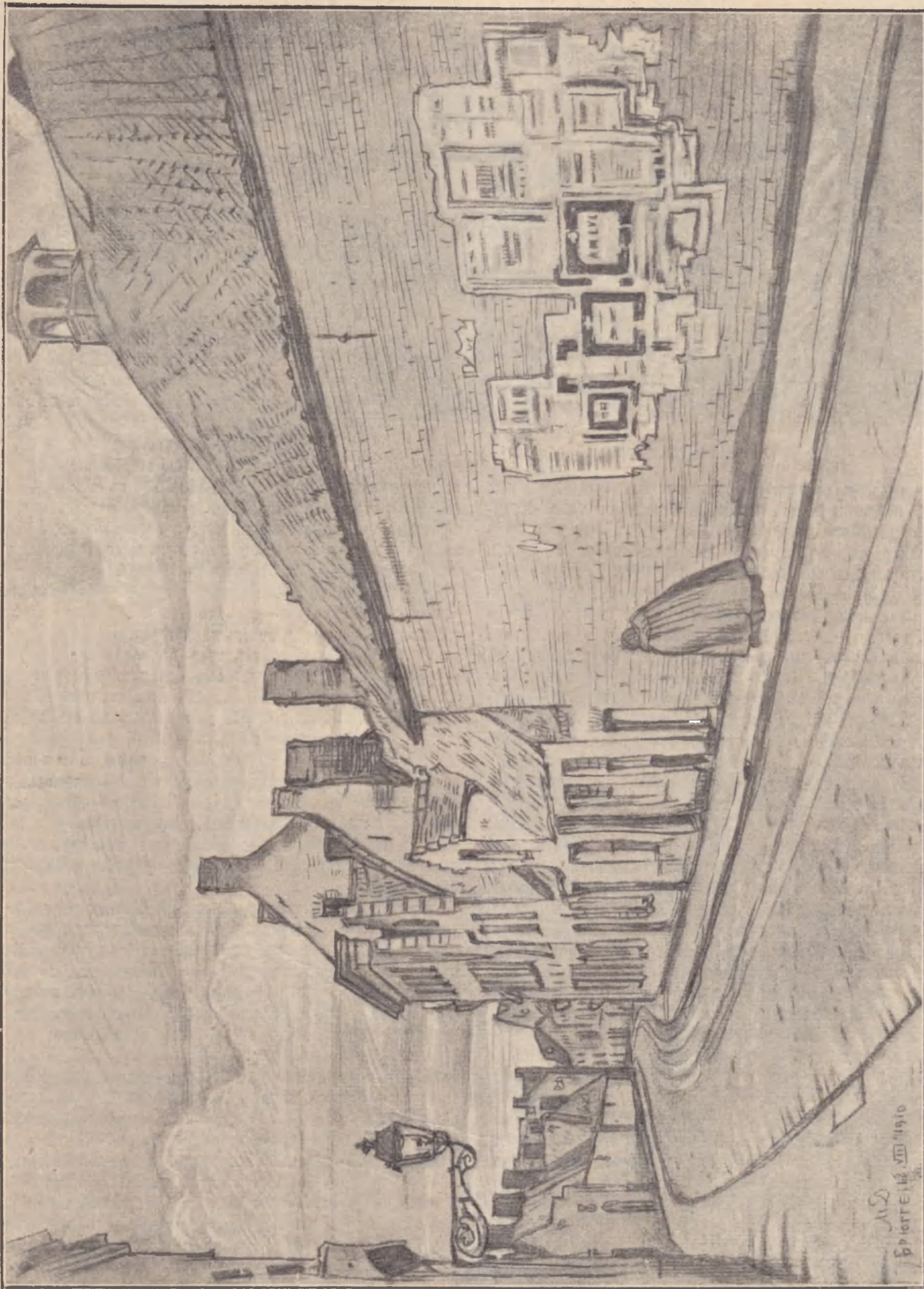
чится, а захочется выпить, то вдовѣ долженъ останется. Спряталъ Павелъ въ подпольѣ двѣсти рублей, оставшихся отъ продажи отдѣленной земли, и поклялся ихъ не трогать.

Съ матерью у Павла отношенія все хуже и хуже. Она его распутствомъ упрекаетъ, пьяницею, мотомъ называетъ, съ жезою велеть сойтись, вдову съ дочкою гадинами скверными зоветь, домъ ихъ притономъ почитаетъ, уряднику грозитъ заявить, а въ довереніе, чтобы сына окончателно провять, приговариваетъ: какой ты крестьянинъ! Терпѣть, терпѣть Павелъ, а какъ послѣднее заключеніе услышитъ, нестерпѣжъ станетъ, — въ этихъ словахъ для русскаго земледѣльца и законъ и пророки, — кривнетъ на мать: „Убить тебя стоить!“ — и выйдетъ вонъ изъ избы, а кровь къ головѣ такъ прилетѣтъ, что не видно средь бѣлаго дня впереди себя дороги; выйдетъ, постоитъ и почувствуетъ себя одинокимъ, для всѣхъ и для себя чужимъ и къ вдовѣ идти не хочется, потому, какъ въ ихъ домѣ войдетъ, такъ всѣ изъ-за нихъ ругательства припомнитъ. Вернется домой, въ сѣняхъ сороковку водки выпьетъ, накроется тулупомъ и спитъ. Пьянаго мать не трогала — страшно.

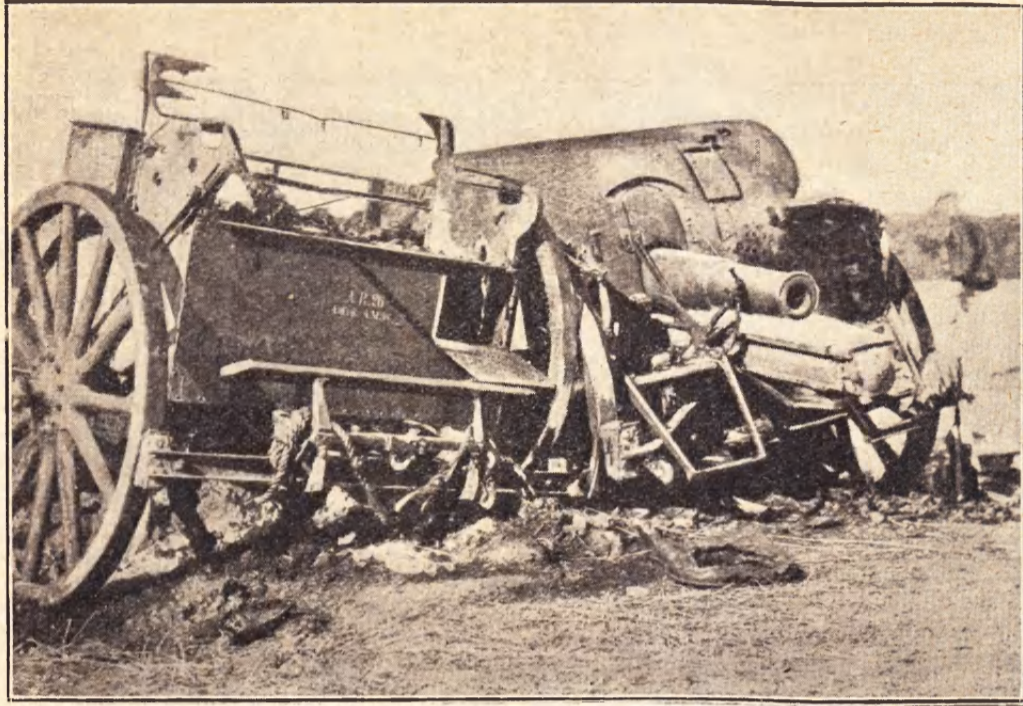
Думаетъ старуха Соломонида, что же дальше будетъ, коли изъ дома все убываетъ да убываетъ и покою она нигдѣ себя не найдетъ; все забота ее беретъ: гдѣ это у сына деньги спрятали, хоть бы тѣ спасти. И какъ сынъ куда на продолжительное время отлучится, такъ старуха всюду по избѣ, да по амбару поклажу разыскиваетъ; до подполья добралась она съ розысками и все тамъ перерыла, картофель по одной перебрала, жбаны вытряхивала, штыри изъ порожнихъ бочекъ вынимала и проволочнымъ крючкомъ днища ощупывала — и не нашла; стала ужъ въ избу подниматься, рукою за балку придерживаться и во что-то мягкое ткнула, посвѣтила, глядитъ: въ шелкѣ комокъ пакли, развернула — въ ней тряпка, а въ тряпкѣ — деньги, и всѣ цѣлехоньки; обрадовалась старуха и унесла ихъ въ укромное мѣсто. Покойно ей теперь за деньги, а непокойно, какъ все образуется, когда сынъ пропажи хватится. И придумала Соломонида больною въ субботу притвориться, а Павла попросить Дуньку вдовину позвать избу помыть; этимъ она надѣялась навлечь на Дуньку подозрѣніе. Павелъ отказался звать, потому что Дунька къ нимъ не вхожа была, да и не надѣялся онъ, чтобы мать съ нею по хорошему обошлась.

Ужъ къ году время близко было, съ тѣхъ поръ какъ Павелъ съ женою своею разошелся. У Дуньки отъ него ребенокъ родился. Онъ въ мысляхъ своихъ хотѣлъ Дуньку замужъ взять, да при Соломонидѣ это осуществить никакъ нельзя было, она и слышать не хотѣла. Павелъ и рѣшилъ, что женится, когда старуха умретъ. И еще пуще отъ этого старуху не влюбилъ, долгою жизнью ее упрекать сталъ и ей желаніе выражалъ, чтобы она скорѣе померла, чтобы другимъ поперекъ дороги не становиться, а если подъ пьяную руку зайдутъ несогласія, то убить ее грозился. Прикидывалъ Павелъ въ умѣ, какъ бы отъ матери ему раздѣлъ получить, и какъ ни думалъ, все выходило, что если имущество расколотъ, то не съ чѣмъ и жить будетъ и что и женитьба тогда ни къ чему. Да и общество его попрекнуло бы, что ужиться со старухою не можетъ, и раздѣла не дало бы, упрямая на то, что все хозяйство въ павловыхъ рукахъ, а старухѣ только угокъ теплый въ той же избѣ нуженъ.

Дома Павлу нестерпимо стало. Когда трезвъ бывалъ, за работою утѣху находилъ, но отдыха уже не чувствовалъ нигдѣ; у вдовы тоже не такъ, какъ раньше было: ребенокъ упреками кричалъ, какой-то болѣзненный уродился, — безъ соски ни минуты не пробудетъ въ покоѣ, уста всѣ болячками обметало, и Дунька день и ночь съ нимъ возилась, и

М. Добужинский УЛИЦА ВЪ БРЮГГЕ

Послѣ артиллерійской дуэли.

блѣдная стала и гнѣвная. Попрекаетъ все Павла, что онъ на ней не женится, да и денежной помощи мало оказываетъ, и что была она бѣдною, а теперь еще обвиняла изъ-за него. Онъ на мать свою все указываетъ, а Дунька отъ этого крѣпче сердится и его къ маткѣ гонитъ, коли она ему дороже. Брошу ребенка, въ городъ уйду, корми его, какъ знаешь, говоритъ она ему, или денегъ дай на няньку да на расходы. Онъ ее утѣшаетъ, что мать скоро помретъ, а она ему въ отвѣтъ скороговоркою частитъ: коли такую вѣдму не убить,—она двѣсти лѣтъ проживетъ, самъ-то ты раньше ея помрешь. „И въ самсмъ дѣлѣ,—думаетъ Павелъ,—не съ того же маткѣ помирать, что ей семьдесятъ лѣтъ, можетъ и до девяноста, а нѣтъ—до ста прожить. А если такъ, то, стало быть, онъ и жизни не увидитъ“.

Грудь стиснетъ, сердце заколится, подъ ложечкою сосетъ, всего трясетъ Павла, водки душа и тѣло просятъ. И пьетъ онъ не день, а нѣсколько подрядъ, и крѣпко ему опьянѣнье: такая теплота и въ душѣ, и въ тѣлѣ, будто онъ на что-то мягкое, пухлое, теплое отдыхать садится и спать тогда можетъ, а то ни днемъ, ни ночью не уснуть.

Раньше, когда Павелъ вдовѣ и Дунькѣ чужимъ былъ, онѣ его водкою потчевали и пить уговаривали, а теперь, какъ своимъ человѣкомъ сталъ, онѣ отъ него водку даже прятать стали; ясно имъ было, что Павелъ запойнымъ сдѣлался и себя, и хозяйство свое губитъ, и отъ этого онѣ же въ убыткѣ останутся: не настолько водки продадутъ, сколько обезпеченія отъ Павла потеряютъ.

Въѣлась ужъ шибко привычка пить. Наступитъ такое время, что если уговаривать начнутъ, то Павелъ такъ разсердится, что бѣда,—чуть не съ ножомъ на вдову да на Дуньку кидается. Плохо Павлу стало на свѣтѣ жить. Раньше у вдовы ему душевная утѣха была, когда его, какъ гостя, встрѣчали, когда же это чувство изъ-за материнскихъ попрековъ все выдохлось,—утѣху въ водкѣ у вдовы находилъ, а теперь и водки тамъ давать перестали. И сталъ онъ туда ходить только трезвымъ, а время наступитъ, что къ водкѣ потянетъ, то дома сталъ выпивать. Мать поговорила, да разъ такъ Павелъ на нее наскочилъ, что къ сосѣду ночевать отправилась.

Какъ трезвое время наступитъ у Павла, такъ онъ кое-чѣмъ займется по хозяйству, дровъ привезетъ, какую нибудь скотину выгодно продастъ, другую лучше купитъ, но

придетъ опять пора — и всѣ барышни пропьютъ, и еще прибавитъ долгу.

Не обернуться изъ-за пьянства, чтобы Дунькѣ сколько нибудь заплатить, и какъ онъ ни жался, а рѣшился 25 рублей изъ спрятанныхъ ей выдать. Какъ-то при матери онъ въ подполье пошелъ за деньгами, старуха догадалась и къ сосѣду ушла. Павелъ туда пришелъ, блѣдный, кисти рукъ трясутся, самъ не свой. Спросилъ онъ недовѣрчиво мать, не переложила ли она деньги, та отперлась, божилась и говорила, что знать не знаетъ, гдѣ онѣ и были, и кряду домой вернулась, чтобы сыну искать помочь. Вернулись они домой, и никогда столь долго и участливо мать съ сыномъ не говорила, какъ теперь, во время поисковъ. „Да помнишь ли ты, куда клалъ, да самъ не извелъ ли, или не переложилъ ли, да въ чемъ они были, вотъ ты до чего самъ себя довелъ, не сказывалъ ли твоей, гдѣ деньги у тебя скоронены, вѣдь, поди,

въ нетрезвости станешь“. А Павелъ все съ огнемъ въ подпольѣ шаритъ, въ углахъ землю отрываетъ, рѣдкую, картофель перекидываетъ, самъ ничего матери не отвѣчаетъ, а на нее крѣпко думаетъ, но надѣется: а вдругъ крыса оттащила куда.

— Молчи!—крикнулъ на мать Павелъ.

— Ишь ты какой!—взвизгнула мать.—Ему помогаешь, хочешь убытки найти,—а вонъ онъ?! Въ кого ты такой уродился! И, небось, и денегъ-то пятерка. Пить бы бросилъ, да къ своей меньше ходилъ, такъ въ одинъ день эти убытки покрылъ бы. Ольховымъ цвѣтомъ вдовы твои сыты не будутъ, а тутъ еще дѣти пошли! А... а... ахъ... а... а... грѣхи! Въ жевки братъ собрался! Была бы она женой, такъ не только деньги, а и скота на дворѣ не осталось бы!

Павелъ обшарилъ безуспѣшно подполье, и при послѣднемъ словѣ матери такъ заоралъ на нее изъ-подъ пола, что она ужъ къ сѣнямъ на всякій случай подвинулась, и грозный, какъ въ безпамятствѣ, выпуча глаза, онъ выскочилъ въ избу со словами: „Убью!“ Старуха шмыгнула изъ избы, какъ будто выкатилась, и къ сосѣду убѣжала, и тамъ ночевать осталась.

Какъ звѣрь разъяренный, ходилъ Павелъ по избѣ, всю утварь, платье, сундучки вверхъ дномъ перевернулъ, обыскивая мать, и нескоро еще успокоился-бъ онъ, кабы не наткнулся на спрятанную имъ же бутылку водки. Съ злобною жадностью сталъ онъ пить ее изъ горла, да такъ пилъ, какъ студеную воду въ лѣтній зной пьютъ. Всю выпилъ, еще злѣе сдѣлался, реветъ, какъ звѣрь, мать проклинаетъ; бутылку вдребезги разбилъ, каблуками стекла перекрошилъ. „Убью!—на разные голоса кричитъ.—Косточки до единой раздребежку!“ Пскачался Павелъ, повихлялся еще и съ ногъ свалился, да почти сутки и не вставалъ. Когда оправился, матка все еще отъ сосѣда не приходила; онъ къ ней пошелъ и подумалъ: „Надо ее позвать и вывѣдать, куда она деньги дѣвала, а если страхомъ поступать, такъ пожалуй помретъ, а не скажетъ, гдѣ деньги спрятала“. Старуху у сосѣда на словахъ пожалѣли, а сердцемъ подумала: „Можетъ, и сама виновата“. Сперва ее берегли и чаемъ поили, а потомъ сомнѣнiе взяло, не долго ли она у нихъ такъ прогоститъ, и на вторые сутки мало ее угощали, и если-бъ сынъ за ней не пришелъ, то пожалуй чай сами не стали-бъ пить, чтобы ее къ столу не звать. Когда Павелъ вошелъ, сосѣдъ первый заговорилъ и сказалъ: „Ты-бъ матку пожалѣлъ да домой взялъ, она идти

Городъ Брюгге.

боятся". „Пускай идетъ,—отвѣтилъ Павелъ,—я еене гналъ". „Ступай,—сказалъ сосѣдъ Соломонидъ,—онъ тебѣ не тронетъ". Соломонида домой пошла. Надоѣло ей сутки въ людяхъ—и по своему постельникѣ она соскучилась.

Рѣшилъ Павелъ, что будетъ горе въ себѣ терпѣть, и сплю на матку не наступать, пока отъ нея не вывѣдаетъ и деньги взадъ не получить. „Все равно,—говоритъ онъ маткѣ,—лучше отройся и отдай; такъ дѣла не оставлю: уряднику заявлю, все обыщу, переверну, а найду, такъ ужъ по-своему расправлюсь, а если по-хорошему отдашь, то Богъ съ тобой. Старуха все отпѣкивается: знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю, какія такія деньги, и твердо рѣшила денегъ не отдавать, потому что все равно онѣ въ кабакъ да Дунькѣ всѣ перейдутъ.

Вдова съ Дунькою про пропажу услышали и забеспокоились, чѣмъ теперь Павелъ ихъ обезпечитъ, а время отъ времячка мимо избы Павловой по одиночкѣ пройдутъ—выманить его оттуда хотятъ; потомъ мальчика сосѣдскаго подослали и велѣли его позвать; тотъ пришелъ, а Павелъ ужъ пьянымъ напился и спитъ.

Всѣ въ горѣ, всѣ страдаютъ. Павелъ отъ гнѣва и отъ досады такъ и горитъ. „Кабы зналъ,—думаетъ,—лучше-бъ всѣ деньги сразу Дунькѣ отдалъ". Никакого просвѣта впереди не видать, чувствуетъ, что и отъ водки ему теперь не отстать и прежняго никакъ не нажить. Старуха мучается, что въ своемъ домѣ отъ сына покоя нѣтъ и не знаетъ, зачѣмъ они скотъ и хозяйство держатъ, коли отъ вражды да неурядицы толкомъ и за столомъ никогда не посидимъ—пища не идетъ. Дунька слезами заливается,—ребятъ нечѣмъ кормить, а тутъ екестати вторымъ отъ Павла беременна. Вдова реветъ и Дуньку жалѣетъ, и денегъ жалко, которыя у Павла пропали, затосковали такъ оба дома, что кошки и тѣ переселились и къ сосѣдямъ прижились.

Не подняться теперь, не вернуть нажитого,—чувствовалъ Павелъ,—оставшееся добро ему недорого стало. Съ Дунькою въ городъ онъ поѣхалъ и за нее купленную землю укрѣпилъ; она его благодарила и въ ноги кланялась. Не могла послѣ этого вдова въ водкѣ ему отказывать,—ужъ очень онъ Дуню обезпечилъ. У вдовы опять ему пріятно стало: пьянствомъ его больше тамъ не попрекали, а, напротивъ, обѣляли, оправдывая тѣмъ, что изъ-за матки это онъ такъ пьетъ. Новыя заботы у вдовы, да у Дуньки появились: раньше, когда Павелъ пилъ, онъ за собою ухода не требовалъ, напѣется—да проспится, а теперь бредъ какой-то наяву съ нимъ дѣлался и всякій шумъ пуще прежняго пугалъ его. Ребенокъ заплачетъ, а Павелъ за голову хватается, глаза красные сдѣлаются и кажется ему, что грабить его кто-то идетъ. Несладко было вдовѣ и Дунькѣ съ нимъ возиться. Ребятишки плачутъ, Павелъ кричитъ, бѣснуется,—покою совсѣмъ лишились. И стали онѣ ему водку съ собою отпускать, лишь бы у нихъ не пилъ.

Шибко загрустил одно время Павелъ. Ясно представилось ему, что хозяйство его къ концу приходитъ, и началъ онъ жалѣть, что купленную землю за Дунькою закрѣпилъ. „Лучше-бъ замужъ ее взять; да и теперь не поздно,—возьму ее замужъ и землю ея, какъ своею, пользоваться буду; можетъ быть, и поправлюсь!? Какая теперь отъ Дуньки польза въ хозяйствѣ, коли дѣтей куча,—думаетъ Павелъ.—Нѣтъ, шабаш! не поправится! Пагуба, разореніе! Все matka виновата!" Сидитъ онъ и смотритъ въ одну точку. Солнце лучемъ всю горницу пронизываетъ, пылинки въ избѣ, какъ изморозь, вьются, и видитъ онъ, будто въ этомъ лучѣ комокъ пакли проплываетъ, какъ тотъ, въ которомъ деньги были у него схоронены, а изъ пакли крупныя зерна овса, что дождь, сыплются, на полъ падаютъ и гулко щелкаютъ, и

Соборъ въ Антверпенѣ

отъ гула при каждомъ зернѣ въ високъ у него кольнегъ, а по избѣ мать съ метлою ходить, въ мѣшки зерна огребаегъ и метлою полъ шаркаетъ отчетливо, такъ, какъ во снѣ храпитъ, и слышится ему, что ухмыляясь она шепотомъ поддразниваетъ его словами: „Дунька — не дура, зачѣмъ ей замужъ идти, она обезпечена“. Это вѣдьма ходигъ, это воръ домашній, оборотень чудится ему; она и его метлою смететь. Ишь, морщинистая какая! Руки жилистые... ближе, ближе подступаегъ... Злоба и страхъ Павла такіе обуяли, что онъ топоръ схватилъ, да какъ ударить имъ вѣдьму въ голову, та, какъ снопъ, свалилась и только хрипло ибнула, когда на полъ рухнула. Павлу легче стало, будто онъ утерянные деньги и хлѣбъ нашелъ; испарина прошибла, какъ въ банѣ; кряду водки выпилъ, хотѣлъ изъ избы уйти, да не могъ, — слабость такая сдѣлалась, что шагу не шагнуть; повалился на лавку и уснулъ. Тяжкій сонъ все Павлу снится: видитъ онъ ту же вѣдьму, на мать похожую, она съ метлою по избѣ расхаживаетъ и все добро его выметаетъ; хочеть онъ ее схватить и убить, да проснуться не можетъ, — голова у него, какъ отрубленная, будто отдѣльно отъ туловища спитъ, а вѣдьма посмѣивается и, какъ кучку денегъ, или хлѣба намететъ, такъ въ промежуткахъ метлою по лицу его проскребеть. Больно, страхъ, какъ больно, отъ этой метлы, будто она проволочная да раскаленная. а проснуться не можетъ.

На другой день сосѣду понадобилось видѣть Соломонида по дѣлу. Постучалъ онъ въ дверь — заперто, не открываютъ; подошелъ къ окну, на завалинку всталъ, поглядѣлъ и видитъ: Соломонида съ разсѣченною головою въ лужѣ крови лежитъ, а Павелъ на скамейкѣ, тулупомъ укрывшись, спитъ и ничего не слышитъ. Тревогу подняли. Народъ сбѣжался. Староста со знакомъ съ веревкою бѣжить. Въ избу не проникнуть — Павелъ не просыпается. Раму выставили, дверь отперли, народъ вошелъ; водкою, смолкою сургучною, кровью и овчинами пахнетъ. Павла толкать, будить стали, еле растормошили, ничего не понимаетъ, его за руку изъ она-сенія придерживаютъ, на голову воду льютъ, онъ мычитъ и слезами не говоритъ. Въ чувство привели его; онъ водки попросилъ, староста дозволилъ, чтобы языкъ развязало.

— Павелъ, Павелъ, что ты сдѣлалъ? Съ чего ты матку убилъ?

— Такъ ей и надо! — И больше ничего не сказалъ.

Годъ просидѣлъ Павелъ въ предварительномъ заключеніи,

и на шесть недѣль его въ больницу на испытаніе помѣщали. Смирнымъ, тоскливымъ и набожнымъ онъ за все время показалъ себя; письма домой Дунькѣ писалъ часто; весь скотъ поручилъ ей къ себѣ взять. Неразговорчивымъ только очень былъ, и думы, и чувства его никто не узналъ. Если же про убійство матери кто изъ судебныхъ властей его спрашивалъ, онъ коротко отвѣчалъ: „Ничего не помню“. Неволю переносилъ онъ безъ особаго труда, и время скорѣе прошло, чѣмъ можно бы думать. Все надежды были, что скоро судъ. Тяжело ему было отъ водки отвыкать, а затѣмъ отъ защитника узнать, что наказаніе за матерубійство — каторга безъ срока. „Вѣчная, значить, хуже смерти, — подумалъ Павелъ. — Стало быть не видать болѣе своего села.“ И, какъ надежду утратилъ, такъ ему нестерпимо сдѣлалось, — ни дать, ни взять, какъ бывало иногда дома. Но защитникъ вскорѣ его ободрилъ и сказалъ, что, можетъ быть, его больнымъ признаютъ и тогда въ больницу только помѣстятъ, да подъ надзоръ родныхъ, въ крайнемъ же случаѣ каторги только 12 лѣтъ.

Въ уѣздномъ городѣ выѣздною сессіею окружнаго суда назначено было къ слушанію дѣло по обвиненію крестьянина Павла Дмитриева въ матерубійствѣ.

Павелъ Дмитриевъ сидѣлъ выпрямившись и неподвижнымъ, острыми карими глазами глядѣлъ на предсѣдателя, ничѣмъ не отвлекаясь. Ни показанія свидѣтелей, ни рѣчи повидному не интересовали его, онъ сосредоточенно ждалъ, приговорять ли его къ безсрочной каторгѣ, къ 12-ти ли годамъ или признаютъ больнымъ.

— Ничего не помню, — послѣдній разъ проговорилъ Павелъ послѣднее свое слово.

Присяжные не признали болѣзни и не дали снисхожденія. Предсѣдатель объявилъ безсрочную каторгу и прежнюю мѣру пресѣченія. Защитникъ заявилъ объ уполномочіи на подачу кассационной жалобы.

Павелъ всталъ и въ сопровожденіи конвойныхъ пошелъ къ выходу. Глаза его особымъ блескомъ загорѣлись. На площадкѣ лѣстницы кругомъ все свободные люди ходили, курили, разговаривали, а надъ нимъ вѣчная каторга. Не успѣла глухо захлопнуться дверь на лѣстницу, какъ Павелъ бросился черезъ перила и внизъ головой полетѣлъ въ пролетъ съ третьяго этажа, на нижнюю площадку. Раздался глухой трескъ, какъ выстрѣлъ, и тѣло Павла Дмитриева лежало въ лужѣ крови около вязанки дровъ, обрызганной кровью и мозгомъ, похожее и цвѣтомъ и формою на мѣшокъ.

Сверху донизу по ступенькамъ лѣстницы, держась за перила, стояли выбѣжавшіе люди; тутъ были и судейскіе чиновники въ форменныхъ сюртукахъ, и мужики въ валенкахъ и нагольныхъ тулупахъ, и люди въ пиджакахъ, и повѣренные во фракахъ.

Раздавались замѣчанія, мнѣнія, вопросы:

— А солдатку попадетъ за это?

— Военному суду предадутъ.

— Къ матери своей отправился, — вѣрно совѣсть мучила.

— Вотъ вамъ и экспертиза! Какой онъ нормальный!

— Это то и доказываетъ нормальность. Лучшій исходъ выбралъ.

— Вотъ вамъ и повѣрка мірового закона тяготѣнія къ землѣ.

— Безсрочная, подумаешь, — вѣдь это казнь смертная!

Н. Зворыкинъ.

Кавалерія наступаегъ.

На крыльцѣ санатори.

Алопексъ—фуксъ.

Въ Соловьевскомъ обществѣ въ Москвѣ, иначе рекомомъ религиозно-философскимъ обществомъ въ память Владиміра Соловьева, В. Ф. Эрнъ прочиталъ докладъ о нѣмецкой культурѣ. Докладъ В. Ф. Эрнъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе и извелъ по-эвенную аудиторію изъ тьмы глубокаго заблужденія. До доклада В. Ф. Эрнъ многіе имѣли наивность думать, что Кантъ—это Кантъ, а Круппъ—Круппъ. Nous avons changé tout cela, — имѣеть право воскликнуть, вслѣдъ за моллеровскимъ докторомъ, В. Ф. Эрнъ. И подлинно, ему удалось доказать, что Кантъ—это Круппъ, а Круппъ—это Кантъ. Въ одной опереткѣ, а именно въ «M-Ne Nitouche», тоже имѣется персонажъ, являющійся съ одной стороны Флоридоръ, съ другой же—Селестенъ. «Я—Флоридоръ, я—Селестенъ». Это, выражаясь философически, — случай сосуществованія въ одной, такъ сказать, персонѣ двухъ личностей. Кантъ—Круппъ совсѣмъ въ то же, что Флоридоръ—Селестенъ. Тамъ сосуществованіе, а здѣсь, выражаясь опять-таки философически, два выявленія или двѣ феноменальныя оболочки одной и той же сущности. И если Кантъ, собственно говоря, не занимался отливкою пушекъ, а Круппъ не отвлекался отъ литейнаго дѣла феноменологией, это дѣла нисколько не мѣняеть. Ибо дѣло заключается въ томъ, что 42-хсантиметровая мортира есть только внѣшнее выраженіе кантіанства, а философія Канта есть внутреннее выраженіе германской подводной лодки. Такимъ образомъ, по глубочайшему убѣжденію В. Ф. Эрнъ, рамки борьбы, которую мы ведемъ съ Германіей, должны быть значительно расширены. Должны быть взорваны и срав-

нены съ землею не только заводы Круппа въ Эссенѣ но и кафедра Канта въ Кенигсбергѣ, ибо, въ сущности, какая же это кафедра? Это—не кафедра, а, такъ сказать, идейная верфь современнаго германскаго милитаризма.

Кантовскій феноменализмъ содержитъ въ себѣ, — какъ скорлупа яйцо, что-ли, — прусскій милитаризмъ конца XIX и начала XX вѣка. Тайнственная кантовская „вещь въ себѣ“ становится не только постижимой, но и доступной для перевозки, правда—только по очень хорошимъ дорогамъ, ибо эта „вещь въ себѣ“ есть не что иное, какъ крупповскій сюрпризъ—42-хсантиметровая мортира. Кантъ выявляется намъ такимъ образомъ ретроспективнымъ агентомъ фирмы Круппъ въ Эссенѣ, прикрывавшимъ флеромъ своей философіи, какъ дымовой завѣсой, будущее крупповскіе 16-тидюймовые ноумены. Понятными становятся также высящіяся на границахъ умопостижимаго міра антиноміи Канта. Какъ нельзя болѣе очевидно, что подъ этими антиноміями авторъ „Грезъ духовидца“ разумѣлъ 18.000-тонные броненосные крейсера „Гебенъ“ и „Бреслау“.

Прекрасный докладъ В. Ф. Эрнъ былъ бы совершенно оригинальнымъ, если бы онъ не напоминалъ, по своей конструкціи и по силѣ своей убѣдительности, известный докладъ нѣмецкаго гелергера, коимъ устанавливалось, что нѣмецкое наименованіе лисицы—фуксъ—происходитъ по прямой линіи отъ греческаго: алопексъ.

Алопексъ — алопаксъ — алопиксъ — алопуксъ — пуксъ—фуксъ.

Кантъ — критика чистаго разума — феноменализмъ—милитаризмъ — 42-хсантиметровая мортира—Круппъ.

Влад. Азовъ.

ЛЮБОВЬ КЪ НѢМЦУ.

(Почти не парадоксы.)

Любовь къ нѣмцу? Неужели она возможна послѣ Калиша, Ченстохова, Лувэна, послѣ постыднѣйшихъ дѣяній, которыми навсегда замарана честь всего нѣмецкаго?

Казалось бы, жгучую ненависть должны всѣ чувствовать теперь къ нѣмцамъ, ненависть и презрѣніе.

Развѣ не ставятъ они каждый день рекорды жестокости и варварства и не побиваютъ ихъ сами же на другой день?

Вчера они добивали раненыхъ.

Мыслимо ли побить этотъ рекордъ?

Немыслимо, но нѣмцы побиваютъ.

Сегодня они раненыхъ закапываютъ,—легкораненыхъ, которые навѣрно бы остались жить. Не подвергають мученьямъ, не тратятъ зарядовъ,—тихо и безшумно закапываютъ.

Развѣ не слышенъ на тысячи версть по всей землѣ, развѣ не долетаетъ до самаго неба этотъ шорохъ земли, засыпающей раненыхъ?

И душа всего живого не содрогается отъ ужаса?

Неужели послѣ этого есть мѣсто въ душѣ чему нибудь, кромѣ ненависти и презрѣнія?

Увы, есть!

Въ русской, въ славянской душѣ, несмотря ни на что, есть человѣческія чувства къ нѣмцу, и не безъ бациллы любви.

Ничѣмъ этихъ чувствъ не вытравить, ибо ничѣмъ изъ русской души не вытравить мягкости, гуманности, жалости, состраданія, соболезнованія и цѣлаго ряда подобныхъ чувствъ.

Домъ въ Антверпенѣ послѣ бомбардировки.

Зла нѣтъ для русской души, есть несчастье.

И въ нѣмцахъ русскіе видятъ тоже несчастныхъ.

Тысячу оправданій находятъ имъ; въ ничтожной точкѣ, именуемой Вильгельмомъ Гогенцоллерномъ, концентрируютъ вѣковую подлость и грубость цѣлаго народа.

Это Вильгельмъ, видите ли, научилъ нѣмецкихъ солдатъ съ издѣвкой убивать дѣтей и насиловать женщинъ. Сами бы они—ни-ни! И рукой бы не тронули! Это все Вильгельмъ проклятый!

Такъ склонна разсуждать рядовая русская душа.

Неужели это—не любовь къ нѣмцамъ?

А посмотрите, какъ обращаются съ плѣнными нѣмцами.

Въ купе четыре мѣста и четыре плѣнныхъ нѣмца. Пятый съ ними русскій. Пора спать. Русскій ни за что не хочетъ ложиться на скамейку. „Лежите,—говоритъ,—вы, а я на полъ лягу. Я,—говоритъ,—культурный“.

И ложится на полъ, а нѣмцы на скамейки ложатся. И говорятъ нѣмцы: „У насъ и въ мирное время никто бы такъ не сдѣлалъ!“.

Еще бы! Не дальше какъ весной нынѣшняго года была карриатура въ какомъ-то нѣмецкомъ журналѣ на эту тему. Нарисованъ былъ вагонъ трамвая. Всѣ нѣмцы-мужчины сидятъ, уткнувшись въ свои цейтунги, всѣ мѣста заняты. А дамы стоятъ, держатся за лямки.

А русскій изъ гостепримства на полъ легъ.

Это ли не любовь къ нѣмцамъ?

Или еще.

Развѣ не замѣтно, съ какой поспѣшной радостью даютъ русскіе отпущеніе всѣхъ тяжкихъ грѣховъ нѣмцу, какъ только онъ раненъ, упалъ, выбылъ изъ строя?

Первая же капля крови даетъ нѣмцу искупленіе. Можетъ быть, часъ тому назадъ онъ громилъ церковь, безчинствовалъ и нахальничалъ. И вотъ показала на немъ кровь, и онъ уже опять равный, онъ опять сопричтенъ къ человѣчеству. Его поднимають, несутъ, перевязываютъ. Онъ тарашитъ бѣлые отъ ужаса глаза, ожидая русской казни. А ему несутъ папиросы и шоколадъ, ибо русская казнь, это—любовь.

И такая это невыносимая казнь, что даже нѣмцу становится стыдно.

Итакъ, не будемъ скрывать, не будемъ грѣхатаить: кой какая любовь къ нѣмцу въ насъ замѣтна.

И, кромѣ славянской размягченности, есть къ этому и нѣкоторыя другія причины.

Кто знаетъ, не слышится ли въ крови общее арійское происхожденіе. Война войной, а слово «мать» звучитъ одинаково и въ нѣмецкой, и въ славянской группахъ языковъ. Когда-то одной семьей были,—когда на санскритѣ объяснялись.

Еще есть причина.

Все-таки—Гете.

Все-таки—Вагнеръ.

Все-таки—Ницше.

Довольно пережить этихъ двухъ съ половиной нѣмцевъ (Ницше—полунѣмецъ), чтобы сохранить, несмотря ни на что, искру любви къ нѣмцу.

Вѣдь мы переживаемъ не поверхностно: мы всасываемъ со страстью, какъ новорожденный молоко матери, хмель чужой гениальности.

Что такое Ницше?

Вѣдь это—глава изъ исторіи русской интеллигенціи.

А Вагнеръ?

Выздоровливающий.

Сколько страсти, огня, восторга и ненависти было потрачено русскими во время борьбы за это имя, и какая полная побѣда увѣнчала его! Развѣ не впитанъ Вагнеръ нами весь, до послѣдняго звука?

Все это даромъ не проходитъ, все это оставляетъ сады, которыхъ ничто не вытравитъ.

Все это питаетъ невидимо, неслышно, тайно чуть замѣтную искру любви къ нѣмцамъ.

Не теперь бы объ этомъ говорить.

Но дѣло въ томъ, что любовь бываетъ разная: любовь глупая и любовь умная.

И если ничего ужъ не подѣлать съ любовью, то пусть она будетъ умной, а не глупой. А для того, чтобъ она не была глупой, надо прежде всего вывести ее наружу.

Покаяться въ ней.

Не можемъ, молъ, ненавидѣть, не умѣемъ. Вы уши и носы отрѣзаете, а мы не умѣемъ, нѣтъ у насъ этого обычая. Вы нашихъ раненыхъ землей закидываете, а мы вашихъ раненыхъ шоколадомъ и сигаретами угощаемъ. Можетъ быть, это плохо; можетъ быть, хорошо—не знаемъ, но знаемъ, что мы такъ такіе и другими не будемъ.

Итакъ, покаемся въ любви къ нѣмцамъ, а покаявшись подумаемъ, какъ же ихъ любить, желая добра имъ.

Что есть добро для нѣмца?

Есть ли такое средство, чтобъ заставить нѣмца задуматься, лѣтъ примѣрно сто или двѣсти поумножить?

И всякому, кто поставитъ себѣ этотъ вопросъ, сразу станетъ ясно, какъ нѣмца до добра довести.

Нѣмца любить—это бить его да бить.

Никакого больше онъ разговора не понимаетъ. Онъ ужъ и нѣмецкаго языка не понимаетъ.

Развѣ не по-нѣмецки заговорилъ какой-то житель Ченстохова со своимъ бывшимъ товарищемъ, оказавшимся нѣмецкимъ офицеромъ, когда этотъ офицеръ собрался на его же глазахъ насиловать его жену? И развѣ понялъ что нибудь по-нѣмецки нѣмецкій офицеръ?

Нѣтъ, нѣмцы уже не понимаютъ никакого разговора, они понимаютъ только одинъ языкъ.

Языкъ пулемета, штыка и коня.

И самое гуманное, самое любовное, самое доброе обращение теперь съ нѣмцемъ, это—то, при которомъ его наиболѣе побьютъ.

Есть уже примѣры

Газеты на всѣхъ языкахъ писали, послы всѣхъ странъ протестовали противъ истребленія курортянъ. Нѣмцы не внимали.

Стоило только заговорить пушкамъ въ Восточной Пруссии,—и несчастныхъ курортянъ выпустили честь-честью.

Языкъ пушекъ нѣмцы понимаютъ.

На этомъ языкѣ и надо теперь съ ними разговаривать, только на этомъ.

И, чѣмъ энергичнѣй будутъ палить пушки, тѣмъ это понятнѣе будетъ для нѣмцевъ, тѣмъ скорѣе вернется къ нимъ способность понимать общепринятыя въ человѣчествѣ языки.

Всю нашу славянскую любовь, всю мягкость должны мы поэтому обратить на пушки и на все, что бьетъ нѣмцевъ, и никуда больше этихъ чувствъ не тратить.

Одного из первых плѣнныхъ нѣмцевъ русскій офицеръ угостилъ чаемъ.

Подававшій самоваръ денщикъ сказалъ:

— Керосина бы ему дать, а не чая!

Денщикъ заблудился конечно на дорогѣ къ истинѣ, но все-таки онъ былъ на дорогѣ къ ней.

Нѣмцу надо еще лѣтъ сто заниматься философией, чтобы опять начать понимать категорию такихъ понятій, какъ дружба, любовь и т. п.

А для того, чтобы нѣмецъ началъ заниматься философией, его надо, какъ слѣдуетъ, побить. И всѣ душевные силы надо употребить на то, чтобы лучше побить нѣмца, а не тратить ихъ на сантиментальность.

Корректнос, но строго суровое должно быть обращеніе съ плѣнными. Чтобы и въ плѣну они чувствовали, что ихъ бьютъ. Отъ шоколада и папирозъ въ нихъ моментально воскресаетъ обычное свиное строеніе. Одинъ изъ нихъ ужъ выразился про русскій плѣнъ, что это—«веселая тюрьма». Ему ужъ стало доступнымъ веселье.

Бить нѣмцевъ какъ можно сильнѣй—вотъ лозунгъ чловѣчности и любви.

И это же—лозунгъ специфической любви къ нѣмцамъ для тѣхъ, кто ей подверженъ.

Любить нѣмца—значить его бить.

Сергѣй Городецкій.

Сербія и Освободительная война.

Всемирная катастрофа, разразившаяся надъ современнымъ чловѣчествомъ—выѣшняя война—неразрывно связана съ именемъ и судьбою Сербіи. Сербія являлась до сихъ поръ главной жертвою австрійскаго Drang nach Osten и ближайшимъ предметомъ дальнѣйшихъ вождѣлнй Австро-Венгрии въ ея неуклонномъ стремленіи къ главенству на Балканахъ.

Судьба Сербіи была рѣшена въ канцеляріяхъ Ballplatz'a въ Вѣнѣ и Wilhelmstrasse въ Берлинѣ еще до убійства австрійскаго наслѣдника Франца Фердинанда въ Сараевѣ.

Война, которую послѣдній готовилъ вмѣстѣ съ Вильгельмомъ II противъ славянства, была рѣшена давно и окончательно предопредѣлена въ Конопиштахъ. Сараевское убійство лишь ускорило развязку.

Не предупредивъ даже союзной Италіи, Австрія, съ вѣдома Германіи, послала Сербіи свой наглый и неприемлемый ни для одной независимой страны ультиматумъ.

Война разразилась, и Австрія всей тяжестью своихъ свѣжихъ военныхъ силъ бросилась на измученную двумя войнами, неоправившуюся еще, неокрѣпшую Сербію.

Для Австріи это была не война, а „карательная экспедиція“. Въ своей швабо-венгерской гордынѣ австрійское правительство, подстрегаемое, съ одной стороны, графомъ Тиссой, а съ другой—извѣстнымъ поддѣльвателемъ дипломатическихъ и иныхъ документовъ, графомъ Форгачемъ, укрѣпило въ странѣ мысль, что Австрія не собирается воевать съ Сербію, а только „наказать“ ее.

И вотъ маленькая Сербія подняла перчатку своего вѣчнаго, наслѣдственнаго врага. Четыре съ половиною милліона населенія вступили въ войну—за свою честь и свободу—съ врагомъ въ 10 разъ сильнѣйшимъ по численности.

— У насъ нѣтъ почти ни осадной, ни вообще тяжелой артиллеріи,—говорилъ мнѣ наканунѣ войны сербскій посланникъ,—мы еще не пришли въ себя отъ послѣднихъ войнъ, но мы будемъ сражаться за свое существованіе и независимость до послѣдняго чловѣка, до послѣдняго издыханія. Какъ мы будемъ сражаться, я не знаю, но сражаться будемъ, и мы покажемъ, на что способны сербы, защищающіе свою родину, свое достояніе..

И сербы показали.

Ихъ героическія усилія и поведеніе не у всѣхъ на виду, какъ герцовъ покрывлей себя неуязвимою славою доблестной Бельгіи. Ей приходится имѣть дѣло съ менѣе страшнымъ врагомъ, чѣмъ милитаристская Германія. Но все же ея сверхчловѣческое напряженіе въ войнѣ съ врагомъ, во много разъ численно ее превосходящимъ, будетъ оцѣнено по достоинству и заслугамъ не только будущимъ историкомъ, но и современниками.

Съ крайними усиліями Сербія смогла собрать армію въ 450.000 чловѣкъ, изъ которыхъ часть должна была остаться на болгарской границѣ, а другая—на границѣ Албаніи.

Противъ 5—8 корпусовъ австро-венгровъ (отъ 300 до 400 тысячъ чловѣкъ), сербы могли выставить съ трудомъ половину. Но если у австрійцевъ были преимущества численности, снаряженія, ненависти и жестокости, въ которой они соперничаютъ съ нѣмцами, то у сербовъ оказалось такое военное достоинство, котораго у австрійцевъ нѣтъ и быть не можетъ,—твердая рѣшимость либо умереть, либо отстоять родину.

Свидѣтели австро-сербскихъ боевъ рассказываютъ прямо чуда о поведеніи сербовъ. Часто безъ сапогъ, со своими отоцавшими „торбами“ (вмѣсто ранцевъ), въ которыхъ, кромѣ патроновъ и остатковъ сухарей, ничего нѣтъ, сербскіе солдаты и раздѣляющіе во всемъ ихъ судьбу офицеры бросаются въ бой, не справляясь, какъ древніе римляне, о числѣ враговъ, а только о томъ, гдѣ враги.

— Впередъ, братья, впередъ, иначе пропадемъ!—вотъ лозунгъ и боевой крикъ сербовъ и ихъ братьевъ-союзниковъ, черногорцевъ.

Такъ они отстояли Бѣлградъ, не пустили къ себѣ въ страну австрійцевъ, взяли Землинъ, перешли въ Австрію.

Тяжело, но героически возвышенно напряженіе Сербіи въ этой мировой войнѣ, въ которой ей суждено осуществить свои высшія историческія національныя задачи. Каковы эти задачи—мы знаемъ. Стать изъ маленькой Сербіи „Великой Сербіей“, это не есть только гордая мечта сербовъ, это—въ то же время этнографически и исторически обоснованная политическая истина.

Сербы считаютъ, что ихъ національная задача будетъ окончательно осуществлена и завершена, когда всѣ сербскіе элементы Австро-Венгрии будутъ объединены въ одно сербское государство. Новѣйшіе статистики даютъ намъ объ этихъ элементахъ слѣдующія цифры:

Боснія и Герцоговина имѣютъ населеніе въ 2 милліона чловѣкъ, Кроація—Славонія—2.700.000, венгерскіе сербы—200.000, далматы—700.000, сербокроаты и словенцы Австріи—2.035.000. Вмѣстѣ съ 500.000 черногорцевъ и 4.500.000 жителей нынѣшней Сербіи это составитъ населеніе въ 12.635.000.

Защищая свою независимость отъ Австро-Венгрии, Сербія въ то же время сражается за объединеніе всѣхъ своихъ братьевъ-сербовъ, за осуществленіе своихъ вѣковыхъ идеаловъ, которые съ молокомъ матери всосали въ себя всѣ безъ исключенія сербы, начиная съ главнокомандующаго и кончая послѣднимъ мужикомъ-солдатомъ.

Это сознаніе національнаго идеала, этотъ общій всѣмъ патриотическій духъ и одушевленіе и являются той пружинной, которая двигаетъ маленькимъ, но сразу выросшимъ въ глазахъ міра героическимъ народомъ и приведетъ его къ окончательной побѣдѣ.

Маленькая Сербія станетъ Великой Сербіей.

Е. Семеновъ.

И эта вѣра не должна быть обманута. Побѣда наша пусть сдѣлается побѣдой справедливости, человѣчности, культуры. Уповапія нашей молодежи, которая нашла себѣ выраженіе и въ горячихъ товарищескихъ бесѣдахъ послѣдней недѣли, по существу являются упованиями всего нашего просвѣщеннаго слоя. Отголоски ихъ звучатъ и въ воззваніяхъ Верховнаго Главнокомандующаго, и во многихъ правительственныхъ актахъ послѣдняго времени, и въ отзывахъ общественныхъ дѣятелей, и въ статьяхъ газетъ и журналовъ. Всѣ мы страстно желаемъ видѣть Россію не только побѣдоносной и могущественной, но и дружной, просвѣщенной, культурной. Благословляя нашу молодежь на ратный подвигъ и на еще болѣе пожалуй тяжелый подвигъ самообузданія и самоограниченія, хотѣлось бы сказать ей въ напутствіе:

— Идите, юные, смѣлые, самоотверженные, на тотъ путь, куда васъ зоветъ долгъ. А въ будущемъ Россіи не сомнѣвайтесь. Оно будетъ достойно тѣхъ жертвъ, которыя приносятъ за него. Какъ границы наши станутъ свободными отъ юнкерскаго прусскаго натиска, такъ и внутреннія судьбы Россіи избавятся отъ прусскихъ началъ, станутъ свѣтлыми, гуманными, вольными.

□□□□□

Справедливый налогъ.

Статья проф. М. А. Курчинскаго.

Мы уже достаточно ясно представляемъ себѣ теперь, что суммы, которыя потребуются государственному хозяйству въ связи съ переживаемыми событиями, достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ. Какъ онѣ велики, мы сейчасъ не можемъ подсчитать даже приблизительно, ибо все зависитъ отъ большей или меньшей продолжительности войны, но во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о миллиардахъ. Нужно вести войну, нужно производить расходы на мирныя потребности, нужно наконецъ покрыть убыль, происходящую отъ отмены прежняго нашего надежнаго источника—винной монополіи.

Какъ мы знаемъ, для добыванія всѣхъ этихъ необходимыхъ громаднхъ средствъ приходится прибѣгать къ использованию различныхъ доходныхъ источниковъ. Въ довольно сильной степени и достаточно удачно привлекается теперь на помощь внутренній кредитъ. Часть средствъ этимъ путемъ уже получена, а на очереди стоитъ новый пятипроцентный заемъ на 500 милліоновъ, о которомъ уже сообщалось въ газетахъ.

Но какъ бы ни были успѣшны всѣ эти кредитныя операціи, все же необходимо будетъ прибѣгнуть въ той или иной формѣ и къ налоговымъ источникамъ. Объ этомъ тоже довольно давно говорится. Еще въ августѣ стала известна правительственная налоговая программа, предлагавшая цѣлый налоговый букетъ частью новыхъ, а еще болѣе—старыхъ

Раненый марокканецъ.

Индусы на рѣкѣ Гангъ.

повышенныхъ налоговъ. Потомъ въ печать проникли свѣдѣнія о проектѣ росписи на 1915 годъ, въ которой всѣ эти налоговыя правительственныя мѣропріятія въ нѣсколько измѣненной формѣ должны были найти себѣ мѣсто, замѣняя собой прежніе монопольные доходы и общая въ итогѣ общую сумму въ 800 съ лишнимъ милліоновъ рублей.

Въ налоговыхъ системахъ, примѣняемыхъ на практикѣ, вопреки тому, что выдвигаетъ предъ нами теорія, далеко не всегда находятъ себѣ примѣненіе требованія справедливости. Налоги далеко не всегда являются равномерными, обложеніе не является безпристрастнымъ и, вмѣсто желанія соразмѣрить тяжесть платежа съ платежеспособностью, господствуетъ правило: „Ибо всякому имущему дается и приумножится, а у немущаго отнимется и то, что имѣеть“. Наша же финансовая сфера въ этомъ отношеніи оказывалась конструированной еще менѣе удачно, чѣмъ соответственныя системы другихъ крупныхъ западноевропейскихъ государствъ.

Стало трюизмомъ, что налоги на потребление и вообще всѣ тѣ сборы, которые могутъ быть въ широкомъ смыслѣ отнесены къ этой категоріи и вообще противопоставлены такъ называемымъ прямымъ налогамъ, ложатся относительно гораздо болѣе тяжело на слабыя плечи менѣе состоятельныхъ плательщиковъ, что здѣсь иногда имѣеть мѣсто даже своего рода обратная прогрессія. У насъ же косвенные налоги издавна привлекаютъ къ себѣ преимущественное вниманіе правительства, и притомъ это благосклонное вниманіе, обратно тому, что мы видѣли на „дѣловыхъ“ примѣрахъ Запада, продолжало все болѣе усиливаться. Въ то время какъ въ налоговомъ бюджетѣ 1877 года прямыя налоги у насъ составляли 31,2%, а косвенные—68,8%, въ 1908 году это отношеніе замѣтно мѣняется къ невыгодѣ прямыхъ: этихъ послѣднихъ въ русскомъ налоговомъ бюджетѣ оказывается всего 14,5%, въ то время какъ на долю косвенныхъ падаетъ 85,5 процентовъ. Роль, отведенная у насъ косвенному обложенію, является гораздо болѣе замѣтной, чѣмъ это мы видимъ въ Англии, Германіи, Франціи или Италіи. Это положеніе очень невыгодно характеризуетъ нашу налоговую систему. И притомъ, какъ мы это уже отмѣтили выше, у насъ обнаруживается тенденція все болѣе перемѣщать центръ тяжести въ сторону дальнѣйшаго усиленія косвеннаго обложенія, невыгодно отражающагося въ первую очередь на интересахъ широкихъ народныхъ массъ.

Въ настоящее время, правда, съ отменой казенной винной монополіи отпадаетъ одна изъ виднѣйшихъ нашихъ налоговъ на потребление „національнаго“ напитка, но зато въ той программѣ министерства финансовъ, которая стала известной изъ газетъ, прежняя тенденція къ усиленному

использованию косвенных и имъ подобныхъ налоговъ при крайне осторожномъ отношеніи къ прямымъ—остается въ полной силѣ.

Если изъ того перечня налоговыхъ источниковъ, которые предполагается ввести въ новой росписи и общій итогъ которыхъ общаетъ сумму въ 802 милльона рублей, выдѣлить, съ одной стороны, группу прямыхъ налоговъ (въ число этихъ послѣднихъ попадаетъ къ тому же такой несомнѣнный налогъ „на расходъ“, какъ квартирный), а съ другой—группу налоговъ косвенныхъ и сборовъ пошлиннаго характера, то получится такая картина: прямые налоги (вмѣстѣ съ квартирнымъ) дадутъ всего 119 милльоновъ, а косвенные и пошлыны—683 милльона.

Привычное намъ соотношеніе остается въ полной силѣ. И притомъ во второй группѣ оказывается повышеніе такихъ сборовъ, какъ налогъ на керосинъ, спички, сахаръ, дрожжи, т. е. предметы необходимаго потребленія. Наряду же съ ними предположенъ и новый сборъ съ грузовъ, передвигаемыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, который, падая напримѣръ на хлѣбные грузы, превратится въ несомнѣнный налогъ на хлѣбъ—налогъ, отсутствіемъ котораго въ нашей налоговой системѣ мы до сихъ поръ гордились.

Говоря все это, мы отнюдь не выдвигаемъ мысли о необходимости отказаться при настоящихъ условіяхъ отъ пользованія косвенными налогами. Въ настоящее время это совершенно невозможно и граничило бы съ прямой утопій. Но вопросъ заключается въ томъ, на чемъ дѣлается удареніе: привлекаются ли въ первую очередь болѣе состоятельные, сильные въ платежномъ отношеніи классы, или центръ тяжести переносится на плечи широкихъ массъ населенія, т. е. въ большей части людей малосостоятельныхъ, а часто и бѣдняковъ. Указывая на это, мы выдвигаемъ социальную точку зрѣнія, вопросъ о томъ, кто будетъ платить, разсматриваемый съ точки зрѣнія извѣстной социальной справедливости.

Удорожаніе хлѣба, сахара, керосина, спичекъ, хлопчатобумажныхъ матерій и т. п. коснется конечно всего населенія, но не приходится распространяться о томъ, что, задѣвая въ ничтожной или слабой степени лицъ состоятельныхъ, оно тяжело гнетомъ ляжетъ на бюджетъ бѣдняковъ.

Въ расходахъ на войну должны принимать участіе всѣ. Важно только при этомъ сдѣлать такъ, чтобы это участіе было пропорціональнымъ, чтобы всѣ платили въ соотвѣтствіи со своими имущественными силами. Нельзя все предоставлять одному только случаю, или даже, наоборотъ, принимать мѣры къ тому, чтобы по возможности щадить имущественно обезпеченные классы. Съ точки зрѣнія такой равномѣрности распределенія жертвъ плательщиковъ въ послѣднее время усиленно и предлагается съ разныхъ сторонъ чрезвычайный имущественно-подходный налогъ на военныя цѣли. Не вы-

ясняя сейчасъ въ этомъ мѣстѣ, сколько онъ могъ бы дать казнѣ, мы во всякомъ случаѣ можемъ быть увѣрены, что при его помощи можно было бы получить настолько замѣтныя суммы, что при ихъ наличности стало бы возможнымъ значительно измѣнить проектируемую министерствомъ финансовъ налоговую программу.

Слѣдуетъ отмѣтить, что предлагаемый военный имущественно-подходный налогъ не лигонъ былъ бы и извѣстнаго этически-воспитательнаго значенія, привлекая всѣхъ къ несенію по крайней мѣрѣ финансовыя тяготы на общее намъ всѣмъ дѣло. Тѣ изъ насъ, которые не призваны подъ знамена и не жертвуютъ своею кровью, ясно видѣли бы по крайней мѣрѣ, что въ предѣлахъ опредѣленнаго соотношенія и они принимаютъ нѣкоторое, хотя, можетъ быть, и неизмѣримо слабое участіе въ несеніи тягости войны. Тутъ не было бы случайностей, обусловливаемыхъ личными склонностями или большей или меньшей чувствительностью, какъ при всякихъ добровольныхъ пожертвованіяхъ, а было бы точно соразмѣренное участіе каждаго въ силу его большей или меньшей имущественной состоятельности.

Осуществленіе предложенной правительствомъ налоговой программы не даетъ прямого отвѣта на вопросъ: кто будетъ платить въ связи съ переживаемымъ исключительнымъ временемъ. Но косвенно на этотъ вопросъ можно отвѣтить въ томъ смыслѣ, что къ повышеннымъ платежамъ будутъ привлечены широкія народныя массы и, значитъ, болѣе всего малосостоятельные. Онѣ и такъ страдаютъ болѣе всего въ связи съ войной, онѣ же почувствуютъ острѣе всего и ея финансовую тяготу.

При принятіи же выдвинутаго теперь проекта о чрезвычайномъ имущественно-подходномъ налогѣ, можно будетъ съ увѣренностью сказать, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой части усиленные налоги упадутъ на тѣ плечи, которыя болѣе всего въ состояніи ихъ нести. Кромѣ того получится тоже не менѣе важная увѣренность, что налогъ заплатятъ всѣ, обладающіе соотвѣтственной платежеспособностью.

Имущественно-подходный военный налогъ въ прогрессивной формѣ уравниваетъ жертвы каждаго, каждаго заставляетъ принять участіе въ военныхъ расходахъ и является съ этой точки зрѣнія патриотически необходимымъ налогомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ неравномѣрность платежей, характеризующую налоговую сферу, онъ внесетъ начало нѣкоторой уравнительной справедливости. Пусть онъ будетъ тяжелъ, но какъ ничтожна его тяжесть предъ тѣми жертвами, которыя приносятся въ настоящее время на войнѣ.

Чрезвычайный имущественно-подходный налогъ является при настоящихъ условіяхъ наиболѣе справедливымъ налогомъ съ социальной точки зрѣнія и потому къ нему зывается голосъ самой жизни

На бивуакѣ французскихъ войскъ. Алжирскіе стрѣлки играютъ въ лото

Объ искусствахъ и литературѣ.

Вѣсти и мнѣнія.

1.

Живопись.

Каждый день выходятъ новыя лубочныя картины на темы войны. Первымъ сталъ ихъ выпускать Сытинъ. Эти лубки безкрасочны и темны. Нѣкоторые листы подозрительно напоминаютъ лубки той же фирмы во время японской войны. Австрійцы очень похожи на японцевъ, и пейзажъ тоже японскій. Несерьезное, преступное отношеніе къ нагодному голоду на картины!

Неизмѣримо лучше лубки въ духѣ футуристовъ, тоже выходящіе въ Москвѣ. Свѣжіе по тонамъ и линиямъ, они ближе всѣхъ другихъ подходятъ къ народному стилю. Художникъ въ нихъ идетъ отъ риѣмы. Напримѣръ подпись такая:

У союзниковъ-французовъ
Битыхъ нѣмцевъ цѣлый кузовъ,
А у братьевъ-англичанъ
Драныхъ нѣмцевъ полный чанъ“.

(Подпись болѣе звонка, чѣмъ остроумна.) Художникъ рисуетъ кузовъ и чанъ. Эти лубки веселы и задорны.

Петроградъ приравливаетъ къ лубку своихъ графиковъ. Уже вышли прекрасныя листы Егора Нарбута, Шарлеманя, Митрохина. Всѣ они нѣсколько сухи, слишкомъ благородны, но для начала очень хороши. Мы увѣрены, что эти художники дадутъ въ этой области вещи болѣе свободныя.

Какое-то издательство выпускаетъ подѣлки подъ старыя лубки. Это неудачно. Генералы непохожи, и рисунокъ фальшивъ.

Хуже всего листы, выпускаемые въ синихъ рамкахъ. Они грубы, безграмотны и тупы.

19-го октября въ Имп. о-вѣ поощренія художествъ состоится аукціонъ художественныхъ произведеній, пожертвованныхъ членами и экспонентами выставокъ «Миръ Искусства» и другими въ пользу лазарета Дѣятелей Искусства. Осмотръ произведеній 17-го и 18-го октября съ 10-ти до 4 хъ час. дня.

2.

Поэзія.

Весной и лѣтомъ вышло немало книгъ стиховъ. Во главѣ ихъ стоитъ новая книга Бальмонта, «Блѣтый Зодчій»,

роскошно изданная «Сириномъ», въ двухъ изданіяхъ, за 2 р. и за 5 р. Это—прекрасная книга. Достаточно сказать, что въ центрѣ ея стоятъ стихи поэта, посвященные родинѣ, съ которой онъ такъ долго былъ въ разлукѣ, и написанные по возвращеніи. Обычный полетъ образовъ соединенъ въ этомъ циклѣ съ глубокой мудростью и ст. аданіемъ. Безъ волненія эти стихи читать невозможно. Необычайной свѣжести исполнены самоанскія пѣсенки, навѣяныя путешествіемъ въ Океанію.

Отмѣчаемъ книгу молодого поэта георгія Иванова, «Горница». У насъ безконечное теперь число маленькихъ мастеровъ, умѣющихъ дѣлать стихи ловко и крас во. Ивановъ—изъ нихъ, и «горница» его, строго горя, — пустая горница. Но построена она хорошо, и могли бы въ ней жить чувства и мысли, волнуя читателя, а не оставляющія его безучастнымъ. Война нѣсколько оживила этого поэта, и его текущіе стихи въ журналахъ лучше этой книги.

3.

Зодчество.

Заканчивается постройкой мечети на Каменноостровскомъ просп. Голубой ея куполь и два минарета внесли новое прекрасное пятно въ контуръ невскихъ береговъ. Строители отлично разрѣшили трудную задачу трактовки восточной темы въ строгомъ стилѣ Петрограда. Лаконизмъ линий мечети и ея сѣро-голубые тона какъ нельзя болѣе соответствуютъ нашей суровой и мечтательной столицѣ.

Открытіе предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ. Тогда же мы дадимъ снимки новаго зданія.

Выкрашенъ свиньинскій флигель, водруженный на мѣстѣ снесеннаго лѣваго крыла творенія Росси. Въ окраскѣ еще сильнѣе выступаетъ вся нелѣпость этого приземистаго сооруженія, лишенаго всякаго чувства архитектуры. Скульптурныя украшенія такъ же безобразны, какъ само строеніе.

4.

Скульптура.

Закончена отдѣлка пьедестала и памятника в. к. Николаю Николаевичу, работы Каноника. Работа итальянца ниже всякой критики. Она ничуть не выражаетъ идеи памятника, бездарна и слащава по композиціи и вся проникнута духомъ провинціального модернизма, столь невыносимаго въ Петроградѣ.

Бельгійскіе бѣглецы въ Голландіи. Голландскіе солдаты съ бельгійскими дѣтьми на рукахъ.

5.

Общества и собрания.

Сезонъ разгорается. 20-го октября въ редакціи «Аполлона» Н. И. Домовт. читаетъ докладъ «Театръ быта и проблема новой трагедіи».

Возобновляются засѣданія кружка бар Н. В. Дризена. На-дняхъ тамъ читаетъ докладъ Н. А. Поповъ на тему «Современный театр и война».

Безчисленные петроградскіе лекторы объявили р дѣ лекцій. На этихъ дняхъ читаетъ публично проф. Адриановъ и др

— — —

Патріотизмъ въ „миніатюрѣ“, или миніатюрный патріотизмъ.

(Театръ „Кривое Зеркало“ Э. В. Холмской; „Литературный интимный театр“; „Троицкій театр миніатюр“.)

1.

Мнѣ всегда дѣлается неловко и даже немного страшно, когда я наталкиваюсь на одну изъ каррикатуръ, назойливой сыпью усѣивающихъ нынѣ лицо нашей прессы, съ прусской каской и усами торчкомъ въ качествѣ основного и неизбѣжнаго патріотическаго мотива. Невольно думается, какъ это можетъ быть, чтобы нашлось такъ много русскихъ людей, для которыхъ вся красота русскаго общественнаго подъема сводилась бы къ усамъ Вильгельма или бакамъ Франца Иосифа? И мнѣ хочется крикнуть всѣмъ этимъ людямъ, умудряющимся даже теперь оставаться такъ далеко къ сторонѣ отъ дѣйствительности, чтобы они пожертвовали какъ нибудь утреннимъ досугомъ, отправились встрѣчать санитарный поѣздъ и помогли при переноскѣ раненныхъ. Пусть они хоть одинъ только разъ взглянуть въ лицо истиннаго патріотизма... О, я увѣренъ, что потомъ, когда они вернутся домой и въ сотый разъ начнутъ подрисовывать свиной мордѣ прусскую каску и усы торчкомъ, карандашъ выпадетъ у нихъ изъ рукъ и они откажутся служить пошлости.

2.

Патріотическій репертуаръ, которымъ не въ примѣръ Москвѣ открылъ нынѣшній сезонъ расчетливый и дѣлеческій Петроградъ, по своей сущности—та-же карриатура съ каской и усами въ качествѣ боевого «гвоздя». Въ параллель интересно отмѣтить тѣ мотивы, въ силу которыхъ Москва открыла сезонъ пьесами общаго репертуара. Эти мотивы просты, благородны и высоко патріотичны. «Со времени объявления войны, — сказала Москва, — прошло слишкомъ мало времени, чтобы можно было успѣть и одумать, прочувствовать и написать пьесу, достойную священнодѣйственаго величія момента. А ставить пьесы, написанныя наспѣхъ, по коммерчески, на случай, — я не стану, потому что это значило бы торговать тѣмъ священнымъ и интимнымъ, чѣмъ торговать нельзя!»

Такъ рѣшила Москва, но Петроградъ разсудилъ иначе. Въдѣ въ Москвѣ сидитъ купецъ, а въ Петроградѣ—коммерсантъ. Въ Москвѣ традиціонно чахнетъ одна единственная оперетка, но могутъ процвѣтать три-четыре частныхъ драматическихъ театра. А въ Петроградѣ не менѣе традиціонно чахнетъ одинъ единственный приличный частный драматическій театр и процвѣтаютъ одновременно три-четыре оперетки. И... заскрипѣли перья петроградскихъ патріотовъ-сатириковъ, нанизывая каски на усы и усы на каски и прикидывая на счетахъ художественные результаты въ рубляхъ и копейкахъ.

Ахъ, надѣ петроградскимъ театромъ монументальнымъ призракомъ встала сама великая Пошлость съ вѣсами въ рукахъ. И на одной чашкѣ вѣсовъ—искалѣченные младенцы, опозренныя женщины, вытоптанная, выжженная, обращенная въ развалины Бельгія, зіяющій ранами Реймскій соборъ; а на другой—усы, каска, пивная кружка да нѣсколько сосисекъ для «довѣса» и пестро росписанный плакатъ съ надписью: «Патріотизмъ». Именно—«патріотизмъ»: безграмотно и въ ковычкахъ.

На полѣ битвы.

3.

Ярче и рельефнѣе всего все это сказывается на нашихъ театрахъ миніатюръ. До нынѣшняго года они были или старались быть очагами благороднаго мятежа вкуса. Это объединяло ихъ, но не мѣшало каждому сохранять свою собственную физиономію, свой оттѣнокъ. «Кривое Зеркало» остроумными, тонкими шаржами подчеркивало всѣ аномалии нашей жизни. «Литературный интимный театр» отражалъ тонкіе извивы мысли, интимные уклоны настроений. «Троицкій театр миніатюръ», этотъ истинный театр толпы, насаждалъ эстетизмъ въ широкихъ массахъ.

Да, такъ было до нынѣшняго сезона. Но вотъ пришелъ крикливый, аляповатый, безвкусный «патріотизмъ въ ковычкахъ» и безцеремонной рукой стеръ всѣ оттѣнки и различія. Гдѣ-то тамъ, далеко, миллионы героевъ дѣлаютъ великое дѣло любви и гнѣва, а здѣсь «бухгалтеры отъ искусства» наигрываютъ пошленькія мелодіи на натянутыхъ нервахъ общества.

4.

Репертуаръ «Кривого Зеркала» состоитъ изъ четырехъ громоздкихъ, тяжело смотрящихся пьесъ. сплошь посвященныхъ «усамъ и каскѣ». Крайне неприятное впечатлѣніе производитъ непрерывное повтореніе «Deutschland über alles» и восхваленіе Германии и ея юнкерства на всѣ лады. Зритель конечно понимаетъ, что это прославленіе — не «всамдѣлшное», что оно дѣлается въ «надсмѣшку». Но, во-первыхъ, Германия надѣла ему и безъ того, и онъ хочетъ вѣрить, что съ ней, какъ политическимъ принципомъ, будетъ теперь покончено. А во-вторыхъ — зритель искренно недоумѣваетъ, какъ можно воплощать въ гротескъ или балаганнй шаржъ то, что выразилось хотя бы въ бомбардировкѣ Реймскаго собора. Потому что если у васъ звѣрски замучили сестру, то вы не способны засѣсть за сочиненіе язвительной эпиграммы на ея убійцу!

Конечно многое простилось бы, если бы карриатура оказалась достаточно смѣшной, тонкой и талантливой. Но пьесы репертуара театра Э. В. Холмской сдѣланы явно наспѣхъ, непродуманы и непрочувствованы. Въ высокой температурѣ «патріотизма дебета и кредита» кривое зеркало этого театра видимо такъ изогнулось, что перестало отражать что бы то ни было.

Пьесы «1914—1814», въ которой проводится параллель между прусскимъ офицерствомъ сто лѣтъ тому назадъ и теперь, и «Нѣмецкая идиллія», гдѣ высмѣивается глубокое мѣщанство и приниженность лицемѣрной морали нѣмецкаго общества, задуманы недурно, но написаны малярной кистью съ балаганной развязностью красокъ: во всемъ—«се—левъ, а не собака». Гротескъ «Мальбрукъ въ походъ собрался»—такая гадкая безвкусница, о которой не стоитъ говорить. Интереснѣе всего «Кругъ жизни одного завоевателя», но опять-таки по особымъ причинамъ. По замыслу эта пантомима плоска и не смѣшна. Но музыкальная иллюстрація В. Эренберга къ

ней—шедевр остроумия, да и играют эту пантомиму так, что не хочешь, а залюбуешься. Но в «Кривом Зеркале» вообще играют превосходно. В каждом движении чувствуется интеллигентный артист, руководимый интеллигентной рукой. И тем более обидно за театр и его артистов. Боже Ты мой! Какое великое дело мог бы сделать с такими силами этот театр, если бы отказался от такого мелкого, миниатюрного патриотизма и послужил бы патриотизму истинному, благородному и священному!

5.

«Литейный театр» присвоил себе прилагательное «интимный», но у публики он заслужил еще и другое прозвище: «умный». Что последнее прозвище заслужено театром, видно хотя бы из того, что даже теперь, в эту вакханалию коммерческой игры на патриотизм, он не отказался от пьес общего репертуара. Из шести номеров—только два отведены «усамъ и каскѣ». Среди остальных встрѣчается веселая, легкая, великолѣпно разыгрываемая комедия «Покинутая» и восхитительная хореографическая картина, в которой с изумительным тактом и чутьем проводится параллель между английской пасторалью и русским лубкомъ. Я не рѣшаюсь передать словами тему этой интермедии изъ боязни, что слово окажется слишком неуклюжимъ для передачи ея хрупкой грации. Скажу только, что за одинъ этотъ номеръ «Литейному театру» простится семьдесятъ семь грѣховъ псевдо-патриотизма!

Изъ пьесъ «Усовъ и каски» онъ представляетъ собой инсценировку мопассановой «Мамзель Фифи». Я вообще принципиальный противникъ инсценировокъ, а эта кромѣ того сдѣлана очень неискусно. и жуть прозаическаго оригинала теряется въ ней совершенно. Кромѣ того—ну, что за ярмарочный барабанъ въ трескучемъ заголовкѣ «Рахиль—или за честь Франціи?»

Вторая—«Бронированный Фаустъ» А. Хирьякова, отвѣчаетъ на вопросъ, каковъ былъ бы Фаустъ, если бы его написалъ не Гете, а Вильгельмъ Гогенцоллернъ. Мысль, какъ видите, интересная и остроумная, но въ пьесѣ она разработана слишкомъ слабо. Авторъ слишкомъ открыто гоняется за аплодисментами райка и потому часто впадаетъ въ дурной тонъ. Такъ напримѣръ въ эпilogѣ Вильгельмъ и Францъ-Иосифъ оказываются въ тюрьмѣ на цѣпи, а предъ рѣшеткой выстраиваются союзники намъ державы. Неужели это—патриотизмъ? Или авторъ думаетъ, что въ миниатюрѣ и патриотизмъ долженъ быть самый миниатюрный?

6.

Но рекордъ специфическаго патриотизма побилъ въ «Троицкомъ театрѣ» А. Аверченко своей «Канителью». Полковникъ германской арміи Швейнеръ, пьяница, злодѣй и грабитель, измываетъ надъ двумя плѣнными русскими, которые волчкомъ юлятъ предъ нимъ. Но деревню, гдѣ все это происходитъ, неожиданно занимаютъ русскія войска, и тогда оба русскіе засучиваютъ рукава и кидаются бить Швейнера.

Неужели такую нечистоплотную клевету на русскій народъ могъ написать даровитый и популярный русскій писатель? Или это—просто неудачная актерская «отсебятина»? Какъ бы тамъ ни было, но эта пьеса съ жуткой реальностью доказываетъ, до чего можетъ дойти патриотизмъ, если изъ области высокой идеи онъ принижается до степени орудія коммерческой наживы!

7.

А послѣ «Канители», послѣ наивной и рѣдко никчемной «Балканской царицы» на сценѣ вдругъ ожили граціозныя фигурки стариннаго севрскаго фарфора. Подъ звуки музыки Грига сплетались хоромомъ изящныя женскія фигуры, вѣяло весной, несся ароматъ юности и чистоты... И невольно думалось, почему чистое искусство—всегда патриотично, почему именно теперь оно кажется особенно высоко патриотичнымъ?

Отвѣтъ я прочелъ на загорѣломъ, исхудаломъ лицѣ моего сосѣда—офицера съ рукой на черной повязкѣ. Я видѣлъ, какимъ блаженствомъ, какимъ художественнымъ удовлетворениемъ освѣтилось закаленное боевымъ огнемъ лицо воина. И я понялъ, какъ тяжело было ему предъ этимъ вторично и въ видѣ пошловатой каррикатуры переживать то, что онъ уже выстрадалъ, какъ активный герой жуткой и величественной драмы!

Евг. Мауринъ.

Письма съ войны.

Они снова бѣгутъ, наша пѣхота посидѣваетъ за ними, конница обскакиваетъ, а конныя пушки, гдѣ могутъ, выскакиваютъ на позицію и по нимъ стрѣляютъ.

Не могу забыть вчерашняго дня.

Движеніе австрийцевъ по нагорьямъ Карпатъ было во много разъ легче нашего, злѣзавшаго еще въ рыхлыхъ долинахъ, и они ходко убѣгали, видимо получивъ твердую уверенность въ томъ, что мы ихъ уже не нагонимъ.

Наша пѣхота и въ самомъ дѣлѣ выбивалась изъ силъ, чтобы преодолѣть липкую, засасывающую трясиину галицкой грязи и догнать австрийцевъ.

И однако мы, артиллеристы, глядя со стороны, понимали, что всѣ шансы въ этомъ бѣгѣ на сторонѣ враговъ.

Они въ своемъ паническомъ ужасѣ давно уже раздѣлались со всѣми тяжестями, давящими плечи и грудь современнаго солдата.

Ранцы изъ глиняной тугой кожи, алюминиевыя баклаги для воды, котелки для варки каши, шинели, мундиры, сапоги, запасы сухарей и консервовъ, штыки и наковецъ ружья,—все это лежало на нашемъ пути, брошенное обезумѣвшимъ врагомъ въ сумасшедшемъ бѣгѣ.

Подобно воздушному шару, потерявшему газъ, австрийская армія выбрасывала на галицкія равнины весь свой грузъ—отъ тяжелой пушки вѣсомъ въ сотни пудовъ до пачки приказовъ изъ ставки главнокомандующаго.

Гдѣ же тутъ было угнаться намъ, перегруженнымъ походнымъ снаряженіемъ, вѣсь котораго возросъ почти вдвое отъ вѣчной мокроты, насквозь пропитавшей наши шинели и палатки.

Какъ бы то ни было, солдаты наши бѣжали что было мочи—и не могли догнать.

Вчера наткнулись мы на такую сцену.

Пулеметы, идущіе съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ, поднялись на вершину гребня и вдругъ увидѣли далеко предъ собою, верстахъ въ трехъ, густыя колонны отступающихъ австрийцевъ.

Командиръ пулеметной роты, рассказавшій мнѣ о всемъ происшедшемъ, все еще у меня предъ глазами.

Улица въ Суассонѣ послѣ бомбардировки.

Весь красный от волнения, мокрый от пота, оспинный от беззастенчивой злобы, онъ, кинув сверкающую жаромъ общую шапку въсьмъ ненависти, жаловался на свои неудачи.

„Вижу этихъ поддецовъ предъ собою, въ свой бинокль различаю все съ жуткой ясностью, наблюдаю какъ начальство съѣхалось въ кучу и совѣтуется, какъ подымаютъ кое-гдѣ застрявшіе пулеметы, а знаю всѣмъ ощущеніемъ охотника, что звѣря не достать.“

Попробовалъ только для солдатъ, которые уже сгрудились вокругъ насъ и жадно вѣрять, что свершится чудо и мои пулеметы превратятся въ пушки.

Увы, чудеса на свѣтѣ не бываетъ. Прицѣлъ на три тысячи шаговъ далъ недолетъ примѣрно наполовину и, главное, внушилъ полную увѣренность въ безопасности австрійцамъ!“

Въ бинокль онъ видѣлъ, какъ они, идя въ аррьергардной цѣпи, спокойно оборачивались, надѣвали шапки на ружья и насмѣшливо махали, угадывая наше безсиліе и бѣшенство.

Солдатамъ это передалось быстро, хотя и сказывалось у нихъ очень различно.

Одни пенство ругались, отводя душу въ изобрѣтеніи самобытной словесности, другіе—покрѣпче правомъ—уходили въ самихъ себя и просто старались не видѣть уходящихъ австрійцевъ.

Пулеметный фельдфебель, большущій пензенскій человекъ, усѣлся сбоку пулемета и, крѣпко упершись спиной, упрямо не отрывалъ своихъ глазъ отъ спицъ, вовсе не глядя въ пространство.

Можете вы себя вообразить, что произошло въ пѣхотномъ полку, когда они увидѣли наши пушки далеко еще внизу, на плотинѣ тонкой рѣчуськи.

Мы уже снизу видѣли, что въ насъ нуждаются, что наверху происходитъ какое-то важное и большое построеніе.

А орудія, какъ нарочно, завязли въ размытыхъ выбоинахъ и не двигаются съ мѣста. Лошади, покрытыя паромъ и бѣлой пѣной, вытягиваются, почти касаясь брюхомъ земли, ѣздовые вопятъ истощенными голосами, фейерверкеры суетятся, какъ черти, а пушки—никуда!

Я и самъ мечусь, какъ угорѣлый, вокругъ батарей, а въ головѣ отчетливо, хоть и издали, слышится голосъ нашего лектора въ артиллерійской школѣ: „Вѣсъ нашего орудія безъ передка 66 пудовъ, съ передкомъ и патронами—123 пуда, вся система—138 пудовъ“. Эхъ, кабы намъ сбросить теперь свои 5 пудовъ да имѣть 58 германскихъ пушекъ! Однакоже изъ моихъ мечтаній ничего не выходитъ и орудія попрежнему торчатъ на плотинахъ.

А сверху уже бѣгутъ тысячи нашихъ пѣхотныхъ на помощь. Какъ горохъ, они катятся подъ гору и скоро вокругъ пушекъ столпились грозящей, распаленной, хлопчущей толпой.

Людей надо видѣть на деревенскомъ пожарѣ да на войнѣ, чтобы знать, на что они способны. Эта стихійная, безтолковая по внѣшности мощь вырастаетъ въ стройныя линии сопряженныхъ усилій, какъ гарантъ, бьющихъ въ одну цѣль.

Охваченная единствомъ цѣли, толпа, какъ море,—неодолима, потому что она неустанно управляется приливами нарастающихъ силъ.

Я не мѣшалъ этимъ сотнямъ рабочихъ рукъ дѣлать, какъ, по-ихнему, надо, понимая, что вся прожитая въ черной работѣ жизнь даетъ имъ больше необходимой сноровки.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ пять минутъ вся батарея катилась въ гору, подталкиваемая солдатскими плечами, пушки, какъ челюсти, покорно и гладко неслись вверхъ, подпираемые погугой трудящихся плечъ, толкаемые страстью общихъ желаній.

Боже мой, сколько силы въ народѣ, и какъ смѣлы тѣ, которые думаютъ его покорить и остановить!

Вотъ мы и на гребнѣ горы, и я прямо вижу густую тучу австрійскихъ колоннъ, верстахъ въ четырехъ предъ нами.

Стелющаяся дистанція для шрапнели! Пулеметы снѣжно

убираютъ подъ шутки и прибаутки солдатшекъ: „Пожалуйте, барышни, погулять—старыя барыни пожаловали въ гости“.

А что сдѣлалось съ ними! Судьба мнѣ помогаетъ—первая же шрапнель легла въ колонну.

Какъ это гигантское чернильное пятно, ползущее по дороге, стало расползаться! Черезъ секунду тысячная колонна превратилась въ огромнаго паука, бросившаго длинныя черныя нити своихъ ногъ по радіусамъ огромной окружности. Мнѣ въ бинокль видно, какъ рвутся шрапнели, какъ мечутся люди, скачутъ конные, какъ стройный, смѣявшійся надъ нами минутою назадъ врагъ, пьяный отъ страха, безумный отъ ужаса, бѣжитъ и никнетъ, ползетъ и стирается, падаетъ и умираетъ.

Солдаты-пѣхотинцы не видятъ подробностей, но угадываютъ по замѣчаніямъ офицеровъ и развѣдчиковъ, имѣющихъ бинокли, что творится у врага.

Въ моихъ рукахъ смерть, и я полными пригоршнями бросаю ее на нихъ, кому-то жалкихъ, а намъ здѣсь только ненавистныхъ.

Мы закончили свою работу, только израсходовавъ весь запасъ патроновъ, и стали на ночлегъ. Съ сегодняшняго дня мѣстность прямо подымается въ гору, и отчетливо обозначается линия Карпатскихъ горъ.

Онѣ уже въ свѣту на вершинахъ, и, какъ далекія свѣчи бѣлаго огня, сияютъ онѣ предъ нами, сыплотъ огни и кидаютъ лучи, какъ нѣтъ, разсѣвая ихъ въ пространство.

Глядишь на эти миллиарды-миллиардовъ пудовъ снѣга, камня, земли и льда, далеко-далеко стоящіе предъ тобою, умомъ понимаешь исполинскую грузность высящихся массъ, а глаза, наперекоръ всему, даютъ ощущеніе поразительной легкости, невѣсомости и внѣматеріальной силы.

Солдаты, никогда не видѣвшіе горъ, своимъ древнимъ, какъ земля, инстинктомъ учуяли эту дивную музыку красоты дальнихъ снѣжныхъ горъ и по-своему это опредѣлили.

Сегодня, проѣзжая мимо батарей, я слышалъ, какъ уносный Симоновъ говорилъ ѣдущему рядомъ фейерверкеру Карташеву: „Глянь-ка-сь, глянь, какъ горы-то играютъ!“

Я тоже поглядѣлъ и остановилъ коня, чтобы помолиться духомъ предъ божественной природой. Она стояла здѣсь одна, безъ австрійцевъ, безъ друзей и враговъ, безъ борьбы и злобы, безъ любви и ревности, сбросивъ одежды и обнаживъ свое волшебное тѣло, сотканное изъ вѣчности и жизни, силы и творчества, власти и красоты.

В. Сергѣевъ.

Недѣля войны.

5-го октября въ германскихъ газетахъ появилась официальная реляція о дѣйствіяхъ германскихъ войскъ въ русской Польшѣ. Въ ней подробно изложены дѣйствія германскихъ войскъ съ момента начала наступленія отъ линии развертыванія германскихъ силъ и до того момента, какъ онѣ побѣдоносно подошли къ Варшавѣ, предъ которой остановились, чтобы черезъ два-три, самое большое—черезъ пять дней, торжественно войти въ нее, занять и принудить русскую армію склонить свои знамена предъ великимъ завоевателемъ. Но судьбѣ угодно было устроить иначе. Всѣ хвастливыя заявленія германцевъ разбились о желѣзную мощь нашихъ сибирскихъ и кавказскихъ войскъ, и 7-го октября противникъ былъ отброшенъ отъ Варшавы.

Планъ наступленія германо-австрійскихъ армій былъ слѣдующій. Прежде всего была сдѣлана попытка глубокаго обхода нашего крайняго праваго фланга со стороны Восточной Пруссіи черезъ Сувалкскую и Ломжинскую губерніи, но, какъ извѣстно, эта попытка потерпѣла неудачу. Тогда германцы рѣшили произвести наступленіе всѣмъ своимъ фронтомъ съ обходомъ лѣваго нашего фланга австрійскими войсками, выдвинутыми въ южномъ направленіи со стороны Карпатъ, а самимъ наступать нѣсколькими колоннами, концентрически, по направленію къ Варшавѣ и къ Ивангороду, съ цѣлью въ одномъ изъ этихъ пунктовъ форсировать

переправы на Вислѣ. затѣмъ переправиться черезъ нее и такимъ образомъ разбить наши войска на части и по частямъ наносить намъ пораженія.

Для того, чтобы наступленіе на Варшаву было возможно успѣшнѣе, германцы двинули въ этомъ направленіи впередъ двѣ армии—восьмую, въ составѣ 17-го и 20-го армейскихъ корпусовъ, и армию короля саксонскаго. Цѣль такого распределенія войскъ заключалась въ слѣдующемъ. 17-й и 20-й корпусы расквартированы въ Пруссіи и комплекуются мѣстными жителями, состоящими по преимуществу изъ поляковъ. Видимо германскій генеральный штабъ полагалъ, что войска, состоящая наполовину изъ поляковъ, съ большимъ энтузіазмомъ пойдутъ брать Варшаву, чѣмъ другія войска. Войска же саксонскія были направлены въ тѣхъ видахъ, что въ саксонцахъ течетъ польская кровь и они до сихъ поръ помнятъ тѣ золотые дни, когда курфюрстъ саксонскій короновался польскою короною. Можетъ быть, и теперь имѣлось въ виду въ случаѣ занятія Варшавы саксонскими войсками во главѣ со своимъ королемъ объявить Варшаву столицей новаго Польскаго королевства и короновать тутъ же короля саксонскаго короною Ягеллоновъ.

Однако расчетъ германцевъ не оправдался. Наши войска дали возможность германцамъ подойти почти къ самой Варшавѣ и лишь въ 20-ти верстахъ отъ нея, по линіи Блоне—Нясечко, дали наступающимъ германскимъ колоннамъ первый отпоръ. Въмѣсто того, чтобы отступить за Вислу, какъ это предполагали германцы, наши войска лихой контръ-атакой съ фронта и съ фланговъ: съ сѣвера—со стороны городовъ Сохачева и Ловича, и съ юга—со стороны посада Гур-Кальварія—заставили непріятеля начать отступление.

Это произошло 7-го октября. Бросая раненыхъ, оставляя заранѣе укрѣпленныя позиціи, германцы быстро стали отступать въ районѣ между Бзурой, Вислой и Пилицей. 8-го октября это отступление было столь стремительно, что они не могли задержаться ни на одной изъ позицій. Никакого сопротивления наши преслѣдующія войска не встрѣчали и на слѣдующій день, и лишь 10-го октября германцы стали оказывать слабое сопротивление имъ. 11-го октября непріятельскія войска уже стали задерживаться на оборонительныхъ позиціяхъ вдоль рѣчекъ, пересѣкающихъ ихъ путь отступления, но попытки задержаться на переправахъ у рѣчекъ Равки, Скерневики и Рыльки оказались неудачными. Наши войска сбили ихъ арьергарды, штыками выбили ихъ изъ городовъ Ловича, Скерневицъ и Равы и стали преслѣдовать германцевъ дальше.

Другой столь же энергичный натискъ австро-германскихъ войскъ былъ произведенъ на линію Вислы, между Ивангородомъ и Новой Александріей. Натискъ въ этомъ районѣ былъ очевидно произведенъ германскими войсками съ тѣмъ, чтобы отвлечь сюда все вниманіе нашихъ войскъ, а самимъ переправиться на правый берегъ Вислы, гдѣ нибудь къ югу отъ Новой Александріи.

Для форсирования переправъ была предназначена радомская группа австро-германскихъ войскъ. Со 2-го октября началась бомбардировка Ивангорода и Новой Александріи гаубичными снарядами, и пионерныя войска приступили къ наводкѣ pontонныхъ мостовъ, однако огонь нашей артиллеріи разрушилъ всѣ работы по наводкѣ мостовъ, выполненные германскими пионерами. Въ то же время наша пѣхота, состоявшая въ этомъ районѣ по преимуществу изъ

закаленныхъ въ бояхъ кавказскихъ войскъ, пререшедшихъ на лѣвый берегъ Вислы, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ мѣстности, стоя по колѣно въ водѣ, энергично отражала всѣ бѣшенныя атаки германской пѣхоты. Къ 7 му октября германская армія прекратила огонь своей артиллеріи и, понеся значительное поражение, стала спѣшно отступать на юго-западъ. Наши войска и въ этомъ районѣ перешли въ энергичное преслѣдованіе, причемъ наши летчики наблюдали около Сандомира, какъ австро-германскія войска, успѣшно переправившись обратно на правый берегъ Вислы, къ мѣстечку Надбржезе, лежащему въ гредѣлахъ Галиціи, спѣшно совершали посадку войскъ въ поѣзда и отправляли ихъ по направленію къ Кракову.

10-го октября въ этомъ районѣ, между рѣками Вислой и Пилицей, фронтъ столкновения имѣлъ протяженіе 40 верстъ, но уже къ 12 му октября онъ удлинился до ста верстъ и шелъ по линіи Рава—Ново-Място—Бѣлобжеги до устья Ильжанки. Ясно стало опредѣляться, что противникъ вынужденъ принять на этомъ фронтѣ рѣшительный бой съ нашими войсками. Это приняли и германскія войска, отступавшія къ сѣверу отъ рѣки Пилицы, и развернули свои силы для боя по фронту Кутно—Ежева, вступивъ въ связь съ войсками южной группы между Ежевомъ и Равой. Такимъ образомъ линія всего фронта начавшагося сраженія 13-го октября представляла собою ломанную, протяженіемъ около 220 верстъ, отъ города Кутно на юго-востокъ къ устью Ильжанки, причемъ завязался ожесточенный бой съ видимымъ успѣхомъ нашихъ войскъ. Особенно ярко отмѣченъ этотъ успѣхъ въ центрѣ расположенія—между Ежевомъ и Равой, гдѣ нашимъ войскамъ удалось занять нѣкоторыя германскія позиціи.

Нѣсколько менѣе опредѣленно остается положеніе по Сану до Перемышля. Здѣсь мѣстами наши войска переправились на лѣвый берегъ Сана и тѣснятъ противника, но мѣстами послѣдній еще держится на своихъ позиціяхъ.

На западномъ фронтѣ на минувшей недѣлѣ весь интересъ былъ сосредоточенъ на крайне лѣвомъ флангѣ, между Сѣвернымъ моремъ и рѣкою Лисъ. Тутъ происходила жесточайшая борьба. Германцы старались прорвать линію союзнаго расположенія между Нюпортомъ и Диксмиунденномъ, съ тѣмъ чтобы овладѣть всѣмъ побережьемъ вплоть до Кале и организовать здѣсь свою базу для дѣйствій противъ Англи. Какъ на особенность этихъ боевъ, слѣдуетъ указать на слѣдующее: бой происходилъ на сушѣ, но англо-французскій флотъ поддерживалъ его съ моря, англійскіе авіаторы летали въ воздухѣ и указаніемъ мѣстоахожденія непріятельскихъ батарей содѣйствовали судовой артиллеріи въ нацупываніи противника. Германскія же войска окапывались, зарывались въ землю и гели свои траншеи въ землѣ, приближаясь къ противнику. Бельгія открыли плотину и пустили воду на германскія войска, затопивъ ихъ траншеи и заливая весь фронтъ. Но этого мало: и подъ водой шла война. Англійскія подводныя лодки и миноносцы зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы германскія подводныя лодки не приближались къ союзному флоту и не покушались на его благополучіе. Такимъ образомъ истекшая недѣля дала намъ картину перваго въ мировой исторіи сраженія, въ которомъ воюющія стороны дрались одновременно на землѣ, подъ землей, на водѣ, подъ водой и въ воздухѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Проф. В. Д. Плетневъ. «Политическая трясина».—Сергій Городецкій. «Пѣсни Червонной Руси» (5 стихотвореній).—Леонидъ Галичъ. «Санктъ-Петербургъ—Петроградъ».—Алексій Ремизовъ. «Земныя тайности» (народныя сказки).—Влад. Азовъ. «Алопекъ—фуксъ».—Н. Зворыкинъ. «Двѣ казни смертныя» (разсказъ).—М. Добужинскій. «Улица въ Брюгге».—Сергій Городецкій. «Любовь къ нѣмцу».—Е. П. Семеновъ. «Сербія и Освободительная война».—Ив. Курдюмовъ. «Студенчество и война».—Проф. М. А. Курчинскій. «Справедливый налогъ».—Объ искусствахъ и литературѣ. —Евг. Мауринъ. «Патріотизмъ въ «миніатюрѣ», или миніатюрный патріотизмъ».—В. Сергѣевъ. «Письма съ войны».—Г. П. «Недѣля войны».—Заставки раб. худ. Л. А. Бруни. 17 фототюдовъ.

Цѣна номера въ Петроградѣ и провинціи	Еженедѣльный литературно-политическій иллюстрированный	Цѣна номера на станціяхъ желѣзн. дорогъ
10 н.	ЖУРНАЛЪ	12 н.
ГОЛОСЪ ЖИЗНИ		
выходящій при участіи лучшихъ силъ русской изящной литературы, публицистики и живописи.		
Изданіе Акціонернаго Общества ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, 1) Лигозская ул., д. 114, и 2) Садовая ул., д. 20.		

Изданіе и типографія Акц. О-ва Издат. А. А. Каспари, Петроградъ, Лиговская, 114.

Редакторъ Евг. Мауринъ.